

Искорка

5

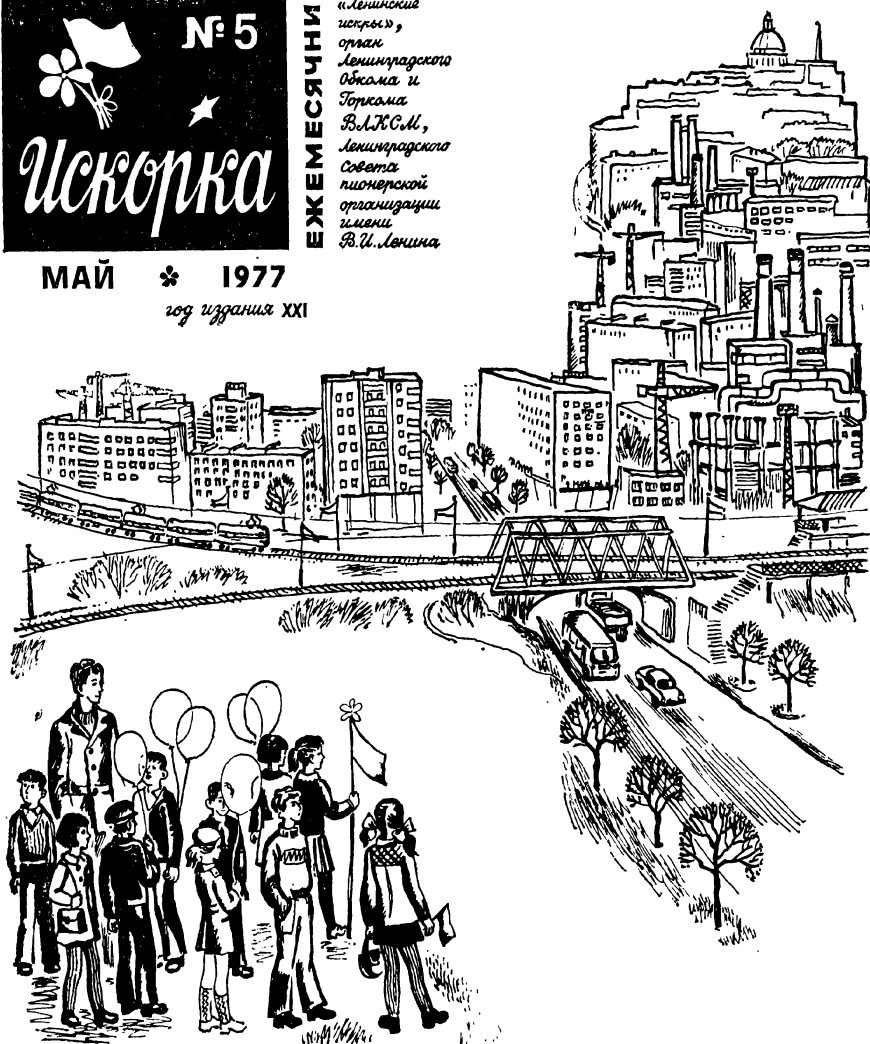

МАЙ * 1977

год издания XXI

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Василий ФЕТИСОВ

МАЙСКИЕ СТИХИ

РОДНАЯ ИСТОРИЯ

* На место маёвок
* И жарких боёв
* Нас Первого мая
* Вожатый привёл.
* — Вот здесь,
* где завод
* и машин голоса,
* шумели когда-то
* большие леса.

* Тут красных отрядов
* был штаб боевой.
* Отсюда шли прадеды
* в праведный бой!
* Родную историю
* слышит отряд,
* а рядом,
* как море,
* шумит Ленинград.

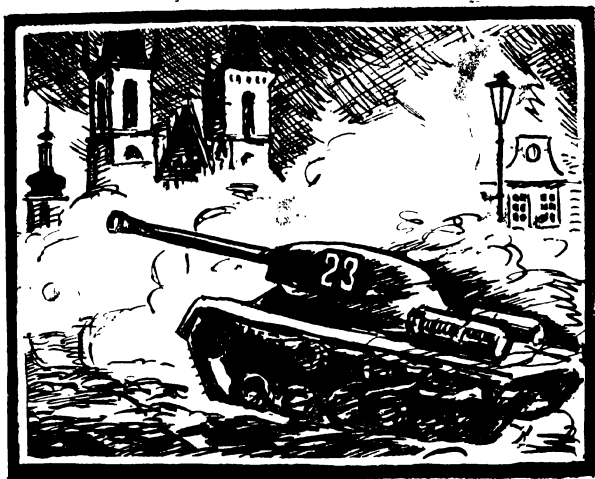

ВОЛШЕБНЫЕ КЛЮЧИ

Солнце с вешними лучами
 землю вымыло ручьями,
 и раскрыли реки
 голубые веки.
 Тёплым паром
 поле дышит.
 Первый трактор
 строки пишет.
 На притихшие леса
 вешний дождик пролился.
 В почве двинулись ростки.
 В почках двинулись листки.
 Пробудились в норах звери.
 Жизнь распаивает двери!
 Каждый тёплый вешний луч—
 золотой волшебный ключ!

Рис, Л. Коломейцевой

ОРУЖИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Тридцать два года минуло с той поры, когда наш народ впервые торжественно отпраздновал День Победы. За это время советские люди воздвигли сотни и сотни памятников в честь героев Великой Отечественной войны. В бронзе и стали, в мраморе и граните запечатлён великий ратный подвиг нашего народа, разгромившего фашизм.

Грандиозный памятник в честь героев обороны Ленинграда возведён в нашем городе, на Московском проспекте. Полны сурового величия монументы, сооружённые на волжских берегах, где гремела Сталинградская битва. Сотни тысяч людей, прибывающих в Москву, идут к Кремлёвской стене, чтобы поклониться могиле Неизвестного солдата. В героическом городе Новороссийске высится памятник Неизвестному матросу...

Существует множество памятников солдатам, матросам, офицерам и генералам, особо отличившимся в сражениях Великой Отечественной войны. В честь дважды Героев Советского Союза в городах и сёлах, где они родились, установлены бронзовые бюсты. В нашем Московском парке Победы есть такая аллея дважды Героев-ленинградцев. Установлены монументы там, где гремели грозные сражения, — на Курской дуге, в Севастополе, в Керчи и многих других местах. Многие колхозы воздвигли мемориальные обелиски, на которых вырублены славные имена односельчан, павших в боях за Советскую Родину.

В этом обширном мемориале воинской славы есть памятники совершенно необыкновенные.. На постаменты подняты танки, пушки, самолёты, торпедные катера, паровозы, автомашины и даже подводная лодка... Это памятники тем, кто в тылу страны самоотверженно ковал оружие нашей победы, и тем, кто умело разил ненавистного врага. Их много, таких необыкновенных памятников, и некоторым из них и посвящён наш рассказ.

Десятки танков навечно установлены на гранитные и бетонные постаменты. На страницах «Искорки» я уже рассказывал юным читате-

лям о семи танках, стоящих в почётном карауле в различных местах Зелёного пояса Славы — на рубежах героической обороны Ленинграда и на подступах к нему, где были сокрушены фашистские орды, мечтавшие захватить великий город на берегах Невы. Сегодня я расскажу вам ещё об одной грозной броневаой машине, созданной руками ленинградцев, которая стоит далеко за пределами нашей Родины, на одной из центральных площадей Праги, столицы братской Чехословакии.

...Шли последние дни войны. На здании рейхстага в павшем Берлине уже развевалось алое знамя Победы. А в Праге ещё орудовали фашисты. В бессильной ярости они готовились уничтожить один из красивейших городов Европы. На помощь братьям-чехословакам двинулись наши танковые колонны. Они мчались без остановки, чтобы упредить фашистов, помешать им выполнить страшный план.

В грохоте, в клубах дыма ворвалась в город тяжёлая машина, на башне которой крупно и чётко написаны были цифры 23. Она ворвалась первой, а за ней — вся бронированная колонна, ошестиненная пушками и пулемётами. Враг не выдержал натиска танков, Прага была освобождена от фашистского ига. В память об этом незабываемом событии народ Чехословакии решил возвести на постамент первый советский танк, вступивший в Прагу. Площадь, на которой он установлен, была названа Площадью советских танкистов.

Как-то из нашей страны в Прагу приехал старый рабочий-кировец Кузьма Емельянович Титов. Не думал не гадал он, что здесь у него произойдёт поистине необыкновенная встреча.

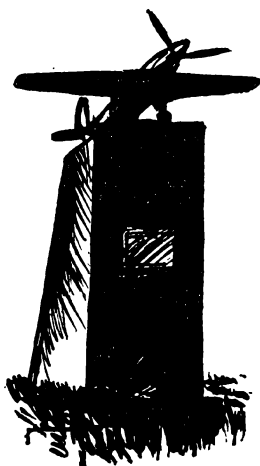
«Стоило мне взглянуть на танк-памятник, и я сразу узнал его, — рассказывал Кузьма Емельянович. — Это был советский тяжёлый танк, появившийся на фронтах в начале 1944 года. Было мне 'отчего радоваться, было чем гордиться. Я не выдержал и крикнул товарищам: «Да ведь это наш танк! Кировский! Из наших цехов вышел...»

Это был действительно кировский танк, но создали его не в Ленинграде, а на далёком Урале. Осенью 1941 года часть рабочих и инженеров Кировского завода вместе со станками выехала на Урал. Невиданно быстрыми темпами построили там второй Кировский завод. И уже 7 ноября 1941 года в Москву полетела телеграмма о том, что с нового конвейера сошла первая колонна кировских танков.

Там, на Урале, наши конструкторы создали новый тяжёлый танк. Ни один танк в мире не мог сравниться с этой поистине грозной машиной. Мы знали, что именно эти танки будут участвовать в решающей битве с гитлеровцами. Поэтому, не зная отдыха, мы трудились, чтобы дать фронту как можно больше такой техники.

Я внимательно осмотрел танк 23. Там, на Урале, я был начальником одного из цехов. Поэтому сразу обнаружил знакомые мне клейма, которые ставились мастерами и контролёрами. Теперь представляете, как радовался я, когда увидел нашенский Кировский танк, превращённый в памятник».

...Есть в нашей стране города и посёлки, где на постаментах установлены знаменитые «катюши». Как ни старались фашистские шпионы разузнать перед нападением на нашу страну, какой боевой техникой

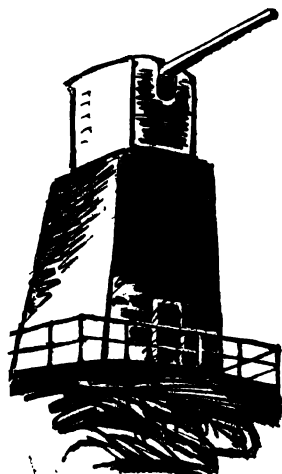
оснащена Советская Армия, о «катюшах» им ничего не было известно. И «познакомились» они с «катюшами» немногим меньше, чем через месяц после того, как вероломно напали на нашу страну. В память об этом «знакомстве» в городе Орше воздвигнут монумент. На вершине холма установлена подлинная «катюша».

Именно здесь первая батарея гвардейских миномётов, которой командовал капитан И. Флёров, 7 июля 1941 года, в 15 часов 15 минут, дала первый залп по скоплению вражеских эшелонов. Сотни реактивных снарядов обрушились на железнодорожную станцию. Через несколько минут всё было объято огнём. Пылали цистерны с горючим, рвались вагоны с боеприпасами, замертво падали сотни фашистских солдат. Через полчаса «катюши» капитана Флёрова дали второй залп. На этот раз по вражеской переправе через реку Оршицу, превратив переправу в обломки, потопив вражеские обозы, усеяв берега трупами солдат.

Всю войну победоносно разили врага наши гвардейские миномёты «катюши». Уже через неделю после первого залпа батарея Флёрова оказалась в районе Рудни Смоленской области. Её огонь обрушился на пятую пехотную дивизию гитлеровцев. Грозная «музыка» батареи обратила в бегство целую дивизию. В Рудне теперь также воздвигнута на пьедестал «катюша».

...В Пружанах Брестской области на слегка наклонном постаменте распротёр крылья краснозвёздный самолёт-истребитель МИГ-15. Трудящиеся Белоруссии «приземлили» его здесь в память о подвиге лётчиков 33-го истребительного авиаполка, которым командовал майор И. Акулин. Славные «ястребки» этого полка вступили в бой в первые же часы войны. Воздушные схватки с гитлеровскими бомбардировщиками завязались в 5 часов 20 минут утра 22 июня 1941 года. Наши лётчики врзались в фашистскую армаду, летевшую бомбить советские города, и своим огнём нарушили её строй. Вскоре пять вражеских бомбардировщиков, сбитых нашими «ястребками», догорали на земле.

Попутно расскажу ещё об одном необыкновенном памятнике, находящемся в населённом пункте Дубица той же Брестской области. Создан он не руками людей и появился здесь задолго до Великой Отечественной... Создала его природа, и от роду ему, пожалуй, уже более

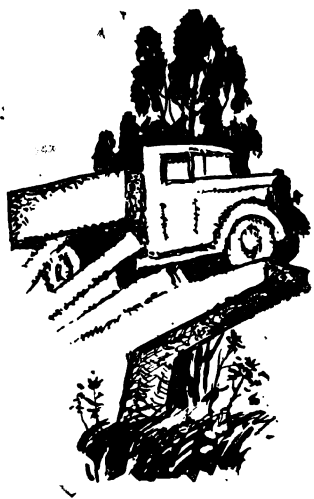
двухсот лет. Это раскинувший свою могучую крону дуб, растущий в 70 метрах от берега реки Западный Буг. Неподалёку находилась 15-я погранзаства 17-го Краснознамённого Брестского пограничного отряда. Бойцы этой заставы одними из первых вступили в бой с вторгнущимися на нашу землю гитлеровцами. Схватка была очень жестокой. Командир отделения А. Новиков и повар заставы Н. Ставницкий вспомнили о старом дубе и, захватив пулемёт, укрылись в дупле великана, чтобы помешать врагу переправиться через Западный Буг. Так дуб превратился в крепость. Из дупла брод через реку был виден как на ладони. Едва гитлеровцы входили в воду, как мгновенно пулемётная очередь косила врага. Целые сутки два пограничника держали брод под огнём, пока гитлеровцы наконец не обнаружили пулемётчиков. Они обрушили на старое дерево ожесточённый огонь. Схватка завершилась лишь на следующее утро, 23 июня 1941 года. Ставницкий погиб, а Новиков был тяжело ранен и схвачен фашистами. Вскоре погиб и он. Посмертно командир отделения Новиков был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Много ран нанесли фашисты дубу-крепости, но старый великан выжил и поныне хранит память об отважных пограничниках.

... Я рассказал о самолёте-истребителе — памятнике пилотам, отличившимся в первые дни войны. А есть самолёт, установленный не в

районе боёв, а глубоко в тылу, в городе Куйбышеве. Это самолёт-штурмовик ИЛ-2, которого страшно боялись фашисты, называвшие его «Черной смертью». Самолёт был бронирован, мог летать на небольших высотах, и поэтому его огонь доставал фашистов даже в окопах и траншеях. Но почему же этот памятник грозному штурмовику оказался в Куйбышеве?

В годы войны один из заводов, изготавливающих самолёты ИЛ-2, находился в этом городе. Сотни грозных машин улетали отсюда на фронтовые аэродромы. Вот и решил рабочий коллектив в память о своём вкладе в великую Победу установить монумент с грозным штурмовиком. Но где взять такой самолёт? Ведь минули десятилетия, как прекращено их производство...

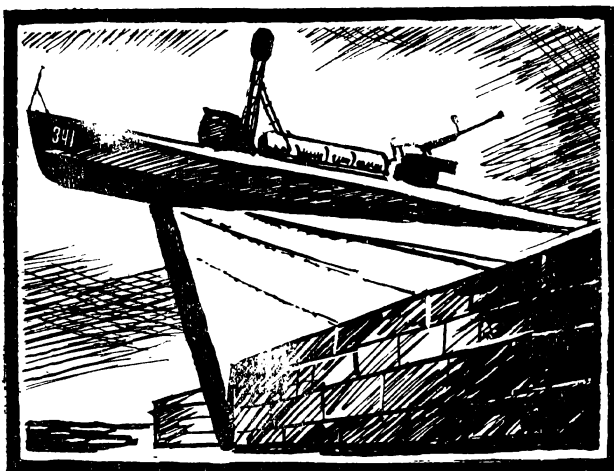
После долгих поисков нашли один ИЛ-2 за Полярным кругом, в центре Кольского полуострова. Видимо, подбитый штурмовик совер-

шил здесь вынужденную посадку. По прямой от этого места до ближайшей железнодорожной станции было 75 километров по сплошному бездорожью. Всё же решили вывезти боевую машину. Расчленили самолёт на центроплан, крылья, хвост и погрузили на трактор. Вперёд двинулись лесорубы, прокладывая дорогу через леса, бурелом... Как ни трудно было, но дело сделали. Вскоре по железной дороге части штурмовика прибыли наконец на завод. Комсомольцы вместе с ветеранами завода взялись за его восстановление. И четыре года назад возрождённый ИЛ-2 стал памятником незабываемому подвигу авиастроителей.

... Славное орудие вознесено на гранитный пьедестал в заполярном городе Североморске. Это 130-миллиметровая пушка 221-й батареи Краснознамённого Северного флота, которой командовал старший лейтенант П. Космачёв. Такая пушка стояла на берегу Баренцева моря, держа под огнём вход и выход из Петсамо (Печенги). Уже в первый день войны меткий снаряд одной из пушек космачёвской батареи потопил вражеский корабль. И сколько ни пытались фашисты пройти морем в Петсамо, космачёвцы неизменно преграждали им путь своим разящим огнём.

Тогда гитлеровцы решили любыми средствами уничтожить батарею. По ней вела обстрел вражеская артиллерия, но космачёвцы от-

ветным огнём подавляли фашистские орудия. Пытались атаковать нашу батарею силами авиации. Бывало, что три десятка фашистских бомбардировщиков одновременно бомбили огневые позиции космачёвцев. Но наши моряки-артиллеристы построили в скалах надёжные укрытия, и враг не смог добиться успеха. Так воевала знаменитая батарея чуть ли не до самого конца войны. Это о них писал поэт Лебедев-Кумач:

*Матросы, матросы —
Орлиное племя,
Не вы ли под грохот
Полярных ночей
В тяжёлое время, военное время
Дерётесь в огне батарей...*

На счету батареи Космачёва десятки потопленных и повреждённых неприятельских кораблей, сотни гитлеровцев, пущенных на дно Баренцева моря. Батарея была награждена орденом Красного Знамени.

...Когда началась война, мобилизовали не только людей, но и автомашины, особенно грузовики. Летом 1941 года отправился на фронт из села Монастырище Черниговской области водитель колхоза «Червоный шлях» Александр Михайлович Тыра вместе со своей машиной. Воевал колхозный шофёр до самого конца войны и проехал по дорогам Великой Отечественной 113 тысяч километров. Где только не побывала эта полупторка: Чернигов, Бобруйск, Орёл, Курск, Глухов, Киев, Ровно, Львов... Побывала и за рубежом — в Праге и свой боевой путь завершила в Берлине. Александр Михайлович берёт свою машину как зеницу ока. Полупторка перенесла все тяготы военной страды и была вполне пригодна к мирному труду. Об этом чётко сказано в документе, выдержки из которого я сейчас приведу:

«....Составлен настоящий акт в том, что мы, гвардии капитан Локоть и председатель колхоза «Червоный шлях» Гайман, осмотрели автомашину Ш-54-496 и нашли её в полной технической исправности. По поручению военного совета Н-ской армии первый сдал, а последний принял указанную машину. Она возвращается колхозу после четырёх-летнего использования для нужд Красной Армии. При приёме-передаче присутствовал водитель машины А. М. Тыра».

Целых семь лет эта машина ещё продолжала служить колхозу. Теперь она стала памятником труда и ратного подвига.

...Всем известна знаменитая Дорога жизни, действовавшая на Ладоге в суровые годы осады нашего города. Тысячи и тысячи грузовиков по льду озера под бомбами фашистских самолётов доставляли продовольствие и другие грузы защитникам города Ленина. Теперь на 105-м километре Петрозаводского шоссе, в том месте, где оно пересекается с автодорогой Войбокало — Кобона, установлен памятник — обыкновенный грузовик ЗИС-5. Много рейсов совершила эта машина по Дороге жизни, пока не была потоплена врагом. Её подняли со дна Ладоги и навечно водрузили на постамент.

...А вот и паровоз, ставший памятником. Он находится на вечной стоянке в городе Днепропетровске. Значится он под номером СО 17-1613. Много поработал этот локомотив в операциях Третьего Украинского фронта. Первым он пересек границу фашистской Германии, первым прибыл на Силезский вокзал Берлина. Машинист А. Смирнов на этом паровозе привёл состав, в котором прибыла делегация на конференцию руководителей союзных держав.

...ТК — это торпедный катер, небольшой, но грозный кораблик. Один такой ТК-12 превращён в памятник и установлен в Мурманске, у здания музея. Когда началась война, командиром ТК-12 был комсомолец А. О. Шабалин. В сентябре 1941 года, обнаружив вблизи вражеского фиорда большой транспорт, шедший в сопровождении конвоя, Шабалин повёл ТК-12 в атаку. Катер выпустил торпеду по транспорту. Взрыв — и судна не стало.

Месяц спустя ТК-12 отправил на дно ещё один вражеский транспорт, а с ним и две тысячи тирольских горных стрелков, направлявшихся на подкрепление фашистским войскам.

...Самый крупный из всех памятников, увековечивших славное оружие советских воинов, находится на берегу Тихого океана, в городе Владивостоке. Здесь на Корабельной набережной установлена подводная лодка С-56. Да, это один из самых знаменитых подводных кораблей, сражавшихся в годы Великой Отечественной.

В первый год войны она находилась на Тихом океане. Потом последовало приказание выйти в Баренцево море и включиться в состав Северного флота. Но как добраться туда? Стояла поздняя осень, и по Северному морскому пути было не пройти. Лодка отправилась в долгое плавание вокруг Азии и Европы. Это был длинный путь в 17 тысяч миль. Чтобы добраться до цели, С-56 прошла через два океана и девять морей, сквозь минные поля, мимо вражеских засад.

Весной 1943 года подлодка С-56 потопила первый фашистский корабль. Всего же она пустила на дно десять и повредила четыре неприятельских корабля с войсками, вооружением и боеприпасами. Множество раз фашистские сторожевые корабли атаковывали нашу лодку глубинными бомбами. За войну на неё было сброшено более трёх тысяч таких бомб. Однажды наша лодка потопила вражеский танкер с нефтью. Нефть, разлившаяся на поверхности моря, вспыхнула гигантским пламенем. Именно на глубине под этим пламенем и укрылась С-56, когда на неё обрушился ливень бомб. За подвиги экипажа подлодки С-56 ей было присвоено звание гвардейской. Восемнадцать раз фашистское радио объявляло её потопленной. А лодка продолжала сражаться. И когда закончилась война, знаменитая подводная лодка возвратилась к родному причалу.

Я рассказал вам лишь о нескольких боевых монументах. Их много раз больше. И все они славят советское оружие, подвиги тружеников тыла, создавших его, отвагу и мужество воинов-победителей.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда он подошёл, «наполеоны» и виду не подали, что обрадовались. Коротко и ясно объяснили, что вызвали его для переговоров, что намечают сходить в кино, и если он — «за», то ему даже и билет купят.

— И всё? — возмутился Шульгин. — Ну вас, я пошёл!

Он повернулся к дому и вдруг увидел ту же сосульку.

Он быстро сообразил, что если она и упадёт, то на крышу, а значит, никому ничто не грозит.

Достанко понял, о чём он думал. Небрежно сказал:

— Чуть что — и пара трупов.

— Это если скатится с нижней крыши, — уточнил Поярков.

— А может, и не скатится? — зевнул Шульгин.

— А ведь точно скатится! — убеждённо сказал Поярков.

Продолжение. Начало в „Искорке“ № 4.

А внизу могут быть люди. Там лестница есть, может, сходим посмотрим?

— Ещё чего,— заупрямился Шульгин.— Делать вам нечего...

— Давай, Серый, без тебя не справимся ведь.

— А это идея!— воскликнул Достанко.

Они вошли в тёмный двор. Медленно, стараясь не шуметь, стали подниматься по вертикальной лестнице — она тихонько поскрипывала и покачивалась.

Добравшись до крыши, ступили в глубокий снег и осторожно двинулись по обледенелому карнизу. И тут шедший впереди Шульгин поскользнулся, упал и стал сползать к самому краю крыши. Зимичев попытался удержать его, но сам не устоял и поехал в полуметре от него.

Поярков и Достанко оцепенели от страха. Зимичеву удалось зацепиться за обледенелый выступ крыши, а Шульгин всё так же медленно сползал дальше. Повернув голову, он взглянул на Достанко, и тот вдруг будто очнулся. Сделал несколько шагов к Шульгину, подал руку и схватился за ржавую трубу, к которой крепились провода. На помощь подоспел Зимичев. Через минуту все четверо стояли рядом и Достанко говорил:

— Пропади она пропадом, эта сосулька. Идём вниз.

— Зачем же вниз?— удивился Шульгин.— Что мы, напрасно сюда поднимались?— Он забрался выше и медленно по-

добрался к ледяной глыбе. Взялся обеими руками и потянул на себя. Раздался резкий звук, будто открывали консервную банку, и льдина отвалилась и рухнула в снег.

— Её тут оставлять нельзя, нужно скинуть во двор,— сказал Достанко.

Вдвоём они подтащили льдину к краю, посмотрели, нет ли кого внизу, и сбросили. Там ухнуло, прогрехотали осколки, и всё затихло. Когда вышли на улицу, Поярков восторженно сказал:

— Ну, ты дал! Герой дня! Я тебя за это сфотографирую!

Шульгин лишь махнул рукой и направился к дому.

«Наполеоны» растерянно смотрели, как он уходил. Каждый решал, что делать.

— Пусть идёт, — наконец сказал Поярков. — Признаем, что удержать нам его не удалось.

— Заткнись!— рявкнул Достанко.— Что ты стоишь, Зима,— победа уходит!

Достанко и Зимичев бросились за Шульгиным.

Т в о я м у з а

Приближался Международный женский день. В школе, где учился Шульгин, должен был состояться торжественный вечер и концерт художественной самодеятельности. Каждый что-нибудь готовил к празднику: кто — сувенир, кто — концертный номер... В общем, были заняты все. Даже принципиальный Поярков со-

гласился сфотографировать девочек-отличниц.

Впрочем, был один человек, который на вечер не собирался. Это Шульгин. Но на этот раз произошла осечка...

Когда родители ушли в гости к родственникам, оставив сыну торт и две бутылки лимонада, Шульгин разобрал диван и приготовился вздремнуть. Уже начал расстёгивать пуговицы на рубашке, уже привычно позёвывал, как в прихожей раздался звонок.

«Наверное, ошиблись дверью,— подумал он.— В такой день кто может прийти? У соседа вообще никого не бывает. А если почему-нибудь вернулись мама и отец, то у них свои ключи». Он накинул пиджак, вышел и открыл.

На площадке стояла девочка. Невысокая, в чёрной шубке, из-под которой выглядывал краешек платья. Девочка закрыла лицо чёрной маской, и сколько ни вглядывался Шульгин, не мог её узнать.

— Кто ты?— спросил он.

— Твоя муза,— рассмеялась девочка и сняла маску.

Шульгин увидел Витковскую.

— Зачем пришла? И нет у меня никакой музыки.

— Что ты! Именно я твоя муза. И ты со мной должен обращаться вежливо. Иначе я уйду.

Шульгин поморщился, запахнул плотнее пиджак и небрежно сказал:

— А вырядилась!

— Ну, для тебя же старалась,— кокетливо сказала Вит-

ковская. — Скоренько соберайся и пойдём.

— Куда?

— На школьный вечер. Где ж тебе сегодня быть, если не там?

Шульгин посмотрел на неё полными обиды глазами, а затем, не поворачиваясь, спиной вошёл в дверь. Щёлкнул замок. Витковская даже растерялась. Потом шагнула к звонку и нажала кнопку.

«Пусть трезвонит,— думал Шульгин.— Мне и по телеви-

зору концерты надоели». Звонков не умолкало. «Что это она? Может, что-нибудь с кнопкой сделала, а сама ушла?» — подумал Шульгин и снова пошёл к двери.

Витковская стояла на прежнем месте. И тут случилось то, чего Шульгин никак не ожидал. Она взяла его за руку и втащила в комнату. Открыла шкаф, достала белую рубашку, галстук, новый пиджак и всё это повесила на стул. Отвернулась и сказала:

— Ты срываешь Международный день. Одевайся!

— Ничего я не срываю, — промямлил Шульгин, поняв наконец, что окончательно проиграл. Когда он стоял уже совсем готовый, Витковская вздохнула:

— Какой красавец! Ты станешь украшением вечера!

— Чего там, — засмутился Шульгин. Но Витковская не обращала на его эмоции внимания. Подала пальто и вывела на лестницу. Сзади с грохотом захлопнулась дверь, и Шульгин понял: это — конец. Ключи остались в другом пиджаке, соседа нет, а родители придут только к ночи.

Перед входом в школу Шульгин пропустил Витковскую вперёд. Но та остановилась у двери и кивнула: дескать, проходи, а то ещё сбежишь. Он не стал спорить — лень было — и вошёл первым. Снял пальто, а она забрала оба номерка и помчалась по лестнице на второй этаж. Шульгин постоял в вестибюле, поморщился от восторженных

возгласов одноклассников, зевнул и двинулся в буфет. Он думал, только там, в родном и милом уголке, с вечно улыбающейся толстушкой тётей Фрёней найдёт утерянный покой.

Навстречу шёл Достанко.

— Привет, Серёга, — сказал он и пошёл рядом. — Ты наших не видел?

— Ваших не видел.

— Я имею в виду Зимичева и Пояркова. Они отличные ребята, ты зря с нами не поддерживаешь контакт.

— Мне и без вас тошно. Привели сюда...

— Кто привёл? Витковская?

— Кому ж ещё?

— Если ты не объединишься с нами, она из тебя кочергу сделает. Советую подумать.

— Сам справлюсь, — махнул рукой Шульгин и вошёл в буфет.

Могу поговорить

Съев шесть бутербродов с колбасой и для ровного счёта четыре с сыром, он сказал «нормально» и поднялся в актёрский зал. Сцена закрыта бархатным занавесом. На нём прожекторы оставили четыре ярких пятна — два белых, красное и синее. По ступенькам туда-обратно снуют участники художественной самодеятельности. Все ужасно деловые, озабоченные.

Шульгин невольно поискал знакомых, нашёл, но не заметил особенной радости в их глазах. Никто его не пригласил, и только «наполеоны» подошли к нему, пожали руку и

назвали молодцом: мол, наконец, осчастливил школьный народ. Они предложили сесть подалеже от сцены, чтобы вдали от театральной суеты поговорить о кактусах, мотоциклах и фотоаппаратах.

Он улыбнулся, покачал головой и вышел из зала. Потоптался в коридоре, подошел к двери, на которой висела табличка «9б», открыл. Включил свет — никого. Но в следующее мгновение заметил в самом углу на последней парте маленькую девочку. Одна косичка с красным бантом — спереди, другая — сзади. Девочка быстро приложила к глазам ладошки и всхлипнула. Шульгин приблизился к ней:

— Обидел кто?.. Чего воешь?

— Я не вою... Боюсь.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ — ЭТО ПРЕЖДЕ
ВСЕГО НАПРЯЖЕННЫЙ, ХОРОШО ОРГАНИ-
ЗОВАННЫЙ ТРУД.
ПОМНИ ОБ ЭТОМ!

— Кого?

— Прокофьева.

— Из какого класса?

Девочка подняла заплаканное лицо. Ресницы задрожали, и она вдруг рассмеялась.

— Я это к тому: если что, могу с ним поговорить...

— Я так и поняла, — сказала девочка и кивнула. — Но с ним нельзя поговорить, понимаешь? Он давно умер.

— Кого же ты боишься?

— Играть. Боюсь, что плохо выйдет...

— Ну, иди домой, и всё, — посоветовал Шульгин.

Девочка встала из-за парты, пожала плечами, будто ей стало холодно, и тихо сказала:

— Я так не могу... Ведь готовились, на меня рассчитывали... А страх сразу пройдет, как только сяду к роялю. Я это знаю из опыта.

Услышав такое взрослое слово — «опыт», Шульгин с уважением посмотрел на девочку и, склонив к плечу голову, сказал:

— Понимаю...

Когда она ушла, запер дверь ножкой стула и сел за парту. Доска была чисто вымыта.

Над ней красными буквами на голубой бумаге было написано: «Математический талант — это прежде всего напряжённый, хорошо организованный труд. Помни об этом!»

Он вспомнил учительницу математики Маргариту Никаноровну, её близорукое морщинистое лицо, и впервые представил себе то время, когда и он станет таким же старым. И тут же с удовольствием сказал:

— Когда это ещё будет!

Кто-то дёрнул ручку двери.

«Не всё ли равно, где сидеть — тут или там? — подумал Шульгин. — Пойду наверх, взгляну, как она там справится с Прокофьевым».

К о н ц е р т

Походкой измученного человека он вышел из класса и направился в зал. Прислонился к батарее парового отопления недалеко от сцены и смотрел. Девочка с бантами осторожно прикасалась к клавишам рояля. Её было почти не слышно, потому что в зале переговаривались между собой школьники. Три девочки листали журнал «Советский экран». Даже учителя что-то говорили друг другу и смеялись.

«Что же это они себя так ведут? — подумал Шульгин. — Плакала, волновалась... А эти разговаривают и смеются. И зачем она играет, разве не слышит шума?» Он покусал губу, покрутил головой, словно бы с чем-то не соглашаясь, повернулся к залу и громко сказал:

— Тише вы!

Девочка вздрогнула и пере-

стала играть. В зале стало тихо, и все посмотрели на Шульгина. Он сам не ожидал от себя такой выходки, а потому прижался к батарее и опустил голову. Девочка встала, повернулась к залу и молча смотрела на зрителей. Она не понимала, что произошло.

Из-за кулис вышла десятиклассница Громова. Усадила девочку снова к роялю, и та начала сначала. В тишине сыграла до конца, теперь уже никто ни одним звуком не нарушил её игры. Она поклонилась и ушла со сцены.

В зале прошелестели вежливые аплодисменты. Но все, кто аплодировал, смотрели почему-то не на девочку, а на Шульгина.

— Татарский танец! — объявила Громова. — Исполняют ученица восьмого класса Лариса Витковская и наш гость, ученик соседней школы, Валерий Головкин!

«Во, своих не нашлось, в долг взяла», — подумал Шульгин и стал ждать выхода объявленных «артистов». Но тут к нему подошла учительница химии Розалия Бенедиктовна и внушительно сказала:

— Я понимаю, Серёжа, твою любовь к искусству. Но не понимаю, почему ты столь грубо обошёлся со зрителями. Ведь можно было сделать проще: повернуться к залу и поднести палец к губам. И тебя бы поняли... И Катюшу Булышеву ты напугал...

— Да ведь все шумели, и я хотел как лучше, — сказал Шульгин и покраснел.

— Ты, пойдй сядь. Вот во втором ряду место есть.

— Спасибо, но из-за меня другие ничего не увидят.

Розалия Бенедиктовна улыбнулась и отошла.

Первым появился баянист. Он сел на стул и заиграл вступление. Из-за кулис выскочила Витковская. Она бежала на носочках, руки причудливо переплетала из стороны в сторону. А за ней, выпрыгнув прямо на середину сцены, появился гость — невысокий тёмноволосый паренёк. Он и правда походил на татарина. Когда танец кончился, Витковская и Головкин удалились за кулисы.

Зал бушевал: «Бис!.. Браво!..» Зал требовал повторить.

Шульгин почувствовал, будто в нём нарушилось какое-то равновесие. О Витковской, о том, что она прекрасная танцовщица, он только слышал. Но никогда не видел её на сцене. И теперь этот танец перепутал все его представления о Ларисе. Оставаться на месте он не мог. Его словно бы оторвали от тёплой батареи и подтолкнули к сцене.

— Лихо! — закричал он. — Молодец, Витковская! Молодец!

Как мужчина с женщиной

Перед началом танцев нужно было убрать стулья, расставить их по сторонам, и почти все ребята принялись за дело. Они разбирали ряды, освобождая середину.

Грянул оркестр. Ребята пригласили девочек, и все они закружились, завертелись, за-

прыгали... Шульгин сидел в углу на стуле и следил за танцующими. Они были такими счастливыми, так в это мгновение дружны между собой, что он не выдержал и бросился искать Витковскую. Делал он это столь неуклюже, что вскоре снова обратил на себя внимание всех присутствующих. Многие хихикали и показывали пальцем: дескать, Шульгин просыпается.

Тут к нему подошли «наполеоны».

— Витковскую не видели? — спросил Шульгин. — Поговорить надо.

— О чём? — спросила вдруг появившаяся Витковская. Но Шульгин не растерялся, радостно взял её за руку:

— Понимаешь, — сказал он, — сегодня ты совершенно какая-то... Я не видел, если можно сказать, раньше...

Он говорил эти невразумительные слова и держал её за руку. А она смотрела насмешливыми глазами в его пунцовое лицо. Тут же появился её партнёр по татарскому танцу. Мельком взглянув на Шульгина, спросил у Витковской:

— Танцуем?

Она кивнула. А Шульгину сказала:

— Отдыхай, Серёжа. Я рада, что тебе у нас нравится. Кстати, вот твой номерок от пальто — на случай, если всё-таки захочется уйти. — И она, подхваченная ловким гостем, пошла по кругу.

Шульгин обессилел от этого разговора. Он присел на стул и следил, как Витковская и Го-

ловко кружились по залу. Как широко и свободно двигались они, никого не задевая, никому не мешая танцевать! Шульгин понял, что при всём желании ему так не станцевать. Он не был танцором. Как не был самбистом, музыкантом или гонщиком, не умел петь, играть в шахматы, читать стихи...

«Ах, чёрт, ну что-то же я умею? Ведь прожил на свете пятнадцать лет — в институте и то лишь пять лет учатся...»

— У меня так не выйдет, — признался Шульгин и сразу поскущел. — Мне нужно долго перед зеркалом тренироваться. Он же гость...

— Ну и олух! Он в нашу школу пришёл да ещё над тобой насмехается.

— Артист! — сказал До-
станко.

Тут они расхохотались.

Бедный Шульгин... Сейчас ему было так плохо, что и слёзы готовы брызнуть и кулаки

— Сидишь? — спросил По-
ярков. — А я бы на твоём ме-
сте пошёл и сказал этому ско-
мороху, чтобы катился отсюда,
пока ты ему танцевальные
пружинки не выдернул. То
есть поговорил бы с ним, как
мужчина с женщиной.

— Как это? — растерянно
спросил Шульгин.

— Больше мужества, брови
нахмурь, понял?

сжимались, как для боя... Он
вдруг встал, подошёл к танцу-
ющей Витковской и остановил
её.

— Иди домой, — сказал он
гостю и показал лицом на
дверь. — Нечего ходить по чу-
жим школам... И вообще, тан-
цевальные пружины выдерну!

Гость рассмеялся.

— Шутник ты! Иди в эстра-
ду, там недобор...

— Не обращай внимания,— сказала Витковская партнёршу.— А тебя, Серёженька, я поздравляю — браво, браво! Ты в полминуты доказал, что глуп. Это мировой рекорд!

Они быстро отошли от него и продолжали танцевать.

После танцев

В продолжение этой сцены все, кто видел и слышал, о чём говорили Витковская и её партнёр с Шульгиным, только улыбались. Никто не понимал, что происходит.

А Шульгин?.. Ему было обидно и грустно. Хотелось домой, к телевизору. Хотелось на диван — лежать под тёплым одеялом, держать какую-нибудь книгу, читать и, остановившись где-нибудь на строчке, думать, думать...

Он походил по залу, постоял у сцены. В последний раз увидел счастливое лицо Витковской, отмахнулся от подлетевшего к нему Достанко, а затем медленно спустился в гардероб, оделся и вышел на улицу. Широкими хлопьями падал снег. Он плавно и торжественно покачивался и планировал у фонарей, а в свете машин сверкал бенгальским огнём.

«Красиво»,— подумал Шульгин, ловя на ладонь белые звёзды. Они гасли, едва прикоснувшись к коже, но на их место летели всё новые, пока ладонь не стала мокрой и холодной. «Зачем ты?»— вслух спросил он то ли у себя, то ли у Витковской. И вдруг рассмеялся, не понимая, откуда эта вознившая радость...

Шульгин позвонил. Родители ещё не вернулись, и ему открыл Анатолий Дмитриевич. Был он бледный, ссутулившийся. Нервно поправил воротник рубахи и спросил:

— Без ключа ушёл?

— Что?.. Ага, без ключа.

Ему совсем не хотелось в эту минуту разговаривать с соседом. Не раздеваясь, направился к своей комнате, но Анатолий Дмитриевич остановил:

— Что-нибудь случилось?

Шульгин прислонился к двери и сказал:

— Всё вокруг дурацкое и непонятное...

Анатолий Дмитриевич пригладил негустые рыжеватые волосы и внимательно посмотрел на Шульгина.

— Так... И перед кем же ты провинился?

— Не знаю, вроде и ни перед кем, а вроде и перед всеми... Как будто что-то сломалось и я захромал. Теперь и больно, и смешно.

Анатолий Дмитриевич усмехнулся.

— Ну, браток, уж действительно с тобой что-то случилось. Надо потолковать, авось помогу разобраться... Ты вот что, пока аптека работает, дойди до неё и купи мне лекарство. Понимаешь, болезнь одолевает, пришлось раньше времени с работы вернуться. Голова — хоть волком вой — разламывается.

Шульгин взял деньги, рецепт и пошёл к выходу.

— Поторопись, милый, а то час поздний, могут закрыть. А

я к твоему приходу чайку поставлю.

Шульгин никогда не вникал в отношения родителей и соседа, ему было не до этого. С Анатолием Дмитриевичем он, можно сказать, был в друзьях. Тот ему часто что-нибудь дарил: то лыжи, то клюшки, то мячи. Отец был против подношений соседа. А однажды Шульгин слышал, как он засмеялся и сказал маме: «Я думаю, что сосед наш — тёмная лошадка. Может, в прошлом какой-нибудь уголовник... Мне мой педагогический опыт подсказывает, что там у него не всё в порядке...» — «Ну, уж это слишком, — ответила мама. — Просто такой человек, индивидуалист... Я вообще думаю, что он много страдал».

Он забрал в аптеке лекарство и вернулся домой. Сосед ждал его на кухне. Поднялся с табуретки, поблагодарил Шульгина и произнёс:

— Извини, завтра поговорим. Что-то мне совсем плохо...

Шульгин выпил чаю, разделся и лег на диван. Услышал, как вернулись родители и о чём-то заговорили за стенкой. Вернее, говорил отец. А мать изредка вставляла: «Хорошо, спи, завтра на работу».

С детства он привык к этим голосам, а потому даже не вникал, о чём они там говорили. Но всякий раз, слушая их, понимал, что именно эти два человека, два голоса, ограждают его безмятежную жизнь от всяких бед и неурядиц. И спокойно засыпал на своём просторном, как аэродром, диване. Пе-

ред глазами вдруг поплыли вагоны, всё быстрее, быстрее. В одном из окон он увидел Витковскую — она махала рукой, звала... Шульгин хотел броситься за нею, но что-то мешало ему, не давало сдвинуться с места...

Утром

Утром по дороге в школу Шульгину несколько раз казалось, что он опаздывает. Вспоминая вчерашний день, он ругал себя, что не сумел выпроводить Витковскую, когда она зашла за ним домой. Он решил извиниться. «Войду в класс и, если она там, попрошу прощения. Пусть поступает как хочет. А если всё-таки простит, значит, она умный и хороший человек». В классе появилась Витковская. Быстро прошла к своей парте и в упор посмотрела на Шульгина. По глазам было видно, что ничего хорошего от неё ждать не приходится.

— Да здравствует советский балет! — грохнул Достанко.

Витковская даже не взглянула на него. Подошла к Шульгину, села рядом и спросила:

— Что это вчера с тобой приключилось?

— Не знаю, дурак я... Прости.

Витковская не ожидала такого и даже растерялась. Долго смотрела на Шульгина, силась угадать: шутит он или серьёзно? Потом сказала:

— Послушай, Серёжа, мы вчера с Валеркой надумали пригласить тебя в ансамбль. Там всё так здорово, просто удивительно! И тебе обязательно понравится.

— Нашла танцора, — поморщился Достанко. — Он и ходить-то нормально не может, всё норовит лечь, а ты...

— Вот именно, — согласился Шульгин.

— Погоди. С твоей внешностью можно стать настоящим артистом, ты когда-нибудь думал об этом?

— Меня в самбо звали...

— Да зачем тебе самбо? У меня двоюродный брат самбист, так он, знаешь, какой здоровый! У него для этого талант врождённый!

— У меня тоже будет...

— Откуда? У тебя совершенно иная конституция тела, понял?

— Ох, и словечко нашла, — хихикнул Поярков и посмотрел на Достанко. А тот мучительно соображал, что потребует Витковская, если выиграет спор... И тут произошло то, чего он никак не ожидал.

— А что, я, может, и не против. Только возьмут ли? — тихо спросил Шульгин и даже подвинулся к Витковской.

— Полная гарантия! — просияла Витковская.

— Заниматься вместе будем?

— Конечно. Только поначалу тебе трудно будет, но мы поможем.

— Когда нужно идти?

— Сегодня и нужно.

— Что брать?

— На первый раз ничего. Посидишь, посмотришь. — У нас все новенькие так. Только уж не подводи меня... пожалуйста.

— С чего ты взяла? — удивился Шульгин.

Достанко покачнулся и глубоко вздохнул. Он не верил собственным ушам.

Щеглы улетели

После школы Шульгин забежал домой и оставил портфель. Выскочил на кухню, схватил кусок хлеба и котлету, затолкал в рот и постучал в дверь соседа. Анатолий Дмитриевич лежал в постели и принимал порошки. По комнате разбросаны вещи, газеты, пальто почему-то не на вешалке, а на полу рядом с кроватью. Клетка, в которой жили Орёл и Решка, пустая, и на карнизе их тоже нет.

— Выпустил по комнате полетать,—медленно проговорил Анатолий Дмитриевич,— а

они улетели. Может, выживут, а?

— Не нужно было форточку открывать,—сказал Шульгин.

— Не жалеешь, браток, одиноко им тут со мной. Ты лучше скажи, что у тебя вчера стряслось?

— Вчера—это было вчера,—будничным голосом сказал Шульгин.—А сегодня всё иначе. Иду заниматься в хореографический ансамбль.

— Ой ли? Я и представить тебя танцором не могу.

— Да что там,—махнул рукой Шульгин.—Сам удивляюсь... А что это вы болеть взя-

лись? Вам же скоро опять в поход — лето близко.

— Если к лету выпрямлюсь, пойдем вместе?

— Можно и сходить.

Анатолий Дмитриевич поморгал, будто выдавливал слезу. На лице сгустились темные морщины. Он сказал, словно бы и не Шульгину, а самому себе:

— Эх, браток, знал бы ты, зачем я хожу!

— Так скажите, буду знать.

Анатолий Дмитриевич молчал. Шульгин посмотрел на часы и заторопился:

— Мне пора. В аптеку заглянуть?

— Нет, спасибо. Давай там, не осрамись.

Шульгин выскочил из дома. Быстро пошел по улице. Он думал об Анатолии Дмитриевиче, о его вечных недомолвках. «Как будто экономит слова или чего-то боится. Разве может пожилой мужчина чего-то бояться?.. Мне — пятнадцать, и то я ничего не боюсь...»

С Витковской он встретился у сквера.

— Если честно, то не верила, — улыбнулась она. — Думала, не придешь, ты ведь у нас необязательный.

— Щеглы улетели, — сказал Шульгин.

— Какие щеглы?

— У соседа были. Орёл и Решка. А сегодня улетели и не вернулись.

— Может, ещё вернутся? — спросила Витковская и взяла Шульгина под руку.

— Не надо это, — проговорил он. Забрал руку и спрятал в карман. — Едем, что ли?..

У нас — новенький

Шульгин вошел в громадный зеркальный зал: блестящий паркет, высокие окна и два ряда длинных коричневых жердей, протянувшихся по всей стене. За жердями — высокие, во весь рост, зеркала. В углу, у самого окна, — рояль. Крышка поднята, и казалось, кто-то огромный взмахнул черным плащом. Из широкой двери за роялем выходили ребята и девушки — почти что все ровесники Шульгина. Они тут же начинали подпрыгивать, вертеться на одном месте, а некоторые, держась за жердь, приседали, или, как цапли, стояли на одной ноге.

К роялю подошел высокий человек в черном костюме. Сел на круглый стул, заиграл, и в зале зажглись люстры.

В зал вошла невысокая светловолосая женщина в зеленом платье с золотистой змейкой-пояском. Голова змейки свисала вниз, а хвост был закручен вокруг пояса и торчал немного вверх. Пианист перестал играть. Он поднялся, поздоровался за руку с женщиной, а все ребята быстро встали в шеренгу.

— У нас — новенький! — показала Витковская.

А Шульгин готов был провалиться сквозь землю — так неудобно вдруг стало, что он, такой огромный и нескладный, явился разучивать танцеваль-

ные коленца. Женщина кивнула и подошла к нему.

— Меня зовут Евгения Викентьевна. А тебя?

— Сергей.

— В школе успеваешь?

— Да.

— Танцевать любишь?

— Нет... Не приходилось.

— Хорошо, сегодня посмотри, а со следующего раза начнём работать. Будем очень рады, если тебе понравится...

После разминки у станка (оказывается, жерди на стене назывались станком) ребята стали танцевать литовский танец «Сукцинис». Весёлая мелодия начиналась и тут же умолкала: кто-то из ребят путался, сбивался, шёл не туда или забывал следующее движение. А Шульгину казалось всё простым. Он поднялся со стула и ходил у стены, даже не замечая, что его ноги пытаются

повторить то же, что и ноги остальных.

«Да и что тут особенного? — думал он. — Нужно только знать, что за чем, а не сбиваться с такта. А все эти притопы и прихлопы — дело нехитрое...» У одной девочки не было партнёра. Увидев это, он отделился от стены и, как был, в ботинках, пиджаке, школьных брюках, двинулся к ней через весь зал. Ребята улыбнулись, но никто и виду не подал, что это их удивило. А девочка, которая вдруг обрела партнёра, обрадовалась и стала ему помогать.

Евгения Викентьевна посмотрела на пианиста — он потрянул кудрявой головой и ещё

веселее ударил по клавишам. Повторяли снова и снова. Шульгину казалось, что он танцует всё лучше и лучше. Он вспотел, раскраснелся, и в том месте, где нужно было идти на «ручеек», споткнулся о собственную ногу и наконец-таки растянулся на полу. Тут уже было невозможно выдержать. Ребята захохотали. Шульгин быстро поднялся, поправил рубаху, которая почему-то вылезла из-под ремня, и посмотрел на Евгению Викентьевну.

— С ритма сбился, — сказал он.

— Повторяем танец, — властно сказала Евгения Викентьевна.

Репетиция продолжалась.

— Больше артистизма, Серёжа! А ну-ка улыбнись! Что это ты, как самодержавный правитель?.. Веселее, свободнее!..

Не всё могут врачи

Ему было радостно возвращаться домой. Он взлетел по лестнице и ещё с порога закричал:

— Мам, дай поесть!

Мать приложила палец к губам и сказала:

— Тише, сынок. Не раздевайся. Я вызвала к соседу врача, ты выйди на улицу и покарауль, чтобы не искали.

Шульгин заглянул к соседу.

Анатолий Дмитриевич по-прежнему лежал на кровати. Но что это? У него разбитое, с кровоподтёками лицо, правый глаз затянуло синим кругом, губы кровоточат, на щеке — тёмная рана.

— Что с вами? — спросил Шульгин.

Сосед отвернулся к стене. В углу его глаза скопилась крупная слеза — вот-вот скатится на подушку.

— Упал я, Серёжа, — глухо проговорил он. — Потерял сознание и упал лицом на батарею.

— Пройдёт...

— И не надо, чтобы проходило. В рай пора, потому что никакой радости у меня тут, на земле, не было и нет.

— Ещё посмотрим! Что же вы, недавно в путешествие зва-

ли, а тут помирать собрались? Врачи не дадут, вытащат!

— Врачи, браток, для насморка, — сказал Анатолий Дмитриевич. — Для облегчения мыслей... С тобой собирался поговорить, потому как считаю тебя своим наследником... Ты про пистолет — никому? Может случиться, что к разговору о нём мы ещё вернёмся.

Он поднял руку, прикоснулся к голове. Шульгин видел, что ему трудно продолжать разговор. И всё же Анатолий Дмитриевич пытался преодолеть себя. Что-то в нём билось, просилось наружу, какая-то тайна не давала ему покоя.

— В общем, поговорить надо. Своих детей, ты знаешь, у меня не было. Рос ты у меня на глазах. И нянчился я с тобой, и песни тебе, какие знаю, пел. Так что твоё детство во мне какую-то жилку задело.

Открылась дверь, и заглянула мама:

— Серёжа, как тебе не стыдно? Иди на улицу, вот-вот машина подъедет.

— Зайди ко мне завтра после школы. А в больницу положат — туда. Только обязательно, слышишь?

— Вы не сдавайтесь, — сказал Шульгин.

Он спустился вниз и увидел машину скорой помощи. Из неё вышли двое мужчин в белых халатах поверх пальто.

— К Устинову? — спросил Шульгин. — Идёмте. — Он привёл врачей в комнату соседа и остановился у двери, разглядывая, как врач достаёт меди-

цинские принадлежности из пузатого баула.

— Кто это вас? — спросил врач.

— Упал, доктор... На батарею парового...

— Неправда. И, если не признаетесь, никакой помощи от нас не получите.

Шульгин вышел в коридор. Разделся, повесил пальто. В комнате мама стрекотала на швейной машине. Он посмотрел на её узкие ссутулившиеся плечи, на голову, наклонённую к работе, спросил:

— Что с ним?

— Ты же знаешь, его преследуют головные боли. На операцию не согласился, а теперь говорит, что он изнутри весь подпорченный, так что ни лекарства не спасут, ни врачи.

— Мам, он хороший человек?

Она не ожидала такого вопроса. Пристально посмотрела на сына.

— По-моему, ничего... Спокойный, не сварливый. Только вечно задумчивый, словно бы решает для себя трудную задачу... Почему ты спросил?

— Так... Мне кажется, у него есть какая-то тайна.

В дверь постучали. Вошёл врач.

— Извините, — поклонился он маме и попросил Шульгина: — Молодой человек, помогите, а то нам трудно по лестнице...

Анатолий Дмитриевич, уже одетый, лежал на носилках. Правая рука с разжатыми пальцами касалась пола. Санитар поднял её и положил на

грудь. Вынесли его осторожно, вкатили носилки в кузов, закрыли дверь. Машина пыхнула голубым дымком и скрылась за поворотом. «А всё же, что хотел сказать Анатолий Дмитриевич? — подумал Шульгин. — Ещё никогда он не разговаривал так, как сегодня...»

Мальчик, встаньте!

Утром следующего дня Витковская прямо с порога направилась к Шульгину и спросила:

— Как дела?

— Понимаешь, — опустил голову Шульгин, — я не могу пойти на репетицию. В больницу надо, сосед заболел.

— Я так и знала. Ты всегда был ненадёжным, Шульгин... Что я теперь скажу Евгению Викентьевне?

— О, это уже запрещённый приём! — подскочил Достанко. — Мы на такие штуки не договаривались.

— Отстань, Коля, ты глупости мелешь, — сказала Витковская и посмотрела на Шульгина. — Это тебе, Серёжа, нужно, больше никому.

Шульгин потоптался. Вздыхнул.

— Я подумаю, — сказал Шульгин.

— Подумай, Серёжа, если хочешь, можем вместе съездить к твоему соседу, а потом на репетицию.

Прозвенел звонок. В класс вошла тоненькая светловолосая девушка в больших очках. В руке она держала учебный журнал, и было видно, как по-

драгивала оттопырившаяся обложка. Шульгин догадался, что это новая учительница математики. Она заменит теперь Маргариту Никаноровну, которая недавно ушла на пенсию.

Учительница подошла к столу и положила журнал. Поздоровалась и попросила садиться.

— Отныне,— сказала она,— я буду вести у вас математику. Зовут меня Виктория Сергеевна Каткова.

— Николай Александрович,— привстал и кивнул Достанко. И сел.

— Молодец, — улыбнулась учительница. И тут же улыбка исчезла. Указательным пальцем она прикоснулась к дужке очков и властно сказала:— Мальчик, встаньте! Назовите фамилию. Сегодня я познакомлюсь только с вами. Итак?

— До... станко.

— А теперь сядьте, Достанко. И если до конца урока я услышу хотя бы одну реплику, вы не скоро забудете о таком знакомстве. С остальными я познакомлюсь чуть позднее, когда будем беседовать у доски. Итак, сегодня я никого не буду спрашивать, объясню новый материал. А уж со следующего раза приступим к традиционной игре в вопросы и ответы.

Медленно и тихо начала она рассказывать. Писала на доске, изредка перебивая себя вопросом: «А почему так?» Подумав, продолжала дальше. И было такое впечатление, что она не рассказывает какой-то

знакомый, выученный давно материал, а делится с ними мыслями, которые только что пришли ей на ум. К середине урока на её бледных, почти прозрачных щеках проступил чуть заметный румянец. Никто не перебил её. Никто даже не заметил, как быстро пролетел урок.

Шульгин смотрел на доску и слушал учительницу... Но что это? В одном из уравнений — ошибка. Он уже хотел было подсказать ей, но Виктория Сергеевна положила мел и отошла к столу.

— Всё ли у меня правильно, не ошиблась ли я?

Несколько человек, в том числе и Шульгин, подняли руку.

— Слушаю, — обратилась она к Витковской.

— У вас там в уравнении при извлечении корня...

— Спасибо... Что у вас?— обратилась она к следующему.

— То же самое...

— А у вас, вы тоже поднимали?..

— И у меня то же,— сказал Шульгин.

Учительница улыбнулась и села к столу.

— Молодцы,— сказала она. Я это сделала специально. Зато теперь знаю, что на вас можно положиться: ошибусь — подскажите... Назовите, пожалуйста, мне ваши фамилии, я хочу поставить «отлично».

В этот день в восьмом-а только и разговоров было, что о новой учительнице.

(Окончание следует)

Товарищ Вахтанг

ТЕБЕ СЕЙЧАС столько же лет, сколько героям моего рассказа.

Ты видел войну только в кино, а они бывали под бомбёжкой и жили в оккупации. Они видели живых врагов, а их родители погибли в безжалостной схватке с фашистами.

Разными путями они попали в детдом в маленьком грузинском городке. Война уже близилась к нашей Победе и громыхла далеко на Западе. Ребята заново учились жить мирной жизнью. Так иногда после болезни дети во второй раз учатся ходить. Им было нелегко, и эхо войны ещё зву-

чало у них в ушах. Но с ними был и директор — Вахтанг Челидзе. Или просто товарищ Вахтанг, комсомолец 22 лет, награждённый тремя боевыми орденами в боях за свободу нашей Родины.

ДЕТДОМОВСКИЕ заканчивали ужин. Летучая мышь влетела в ярко освещённую комнату, как чёрная молния. Ребята вскочили, заорали, замахали руками. И только завхоз Шейте Сами оцепенело замерла посреди комнаты во весь свой высокий рост.

Летучая мышь исчертила потолок

истеричными зигзагами, а потом резко вильнула вниз и врезалась в пыльную причёску Шейте Сами. Она билась в белых кудрях, как маленький мотор. Шейте Сами рвала на себе волосы, а остальная публика сидела на полу и плакала от смеха. Прибежала нянечка тётя Поля и добавила веселья тем, что ахнула Шейте Сами мокрой тряпкой по голове. Зорин стал икать от смеха и бить ладонями по полу...

И вдруг стало тихо. Когда Зорин поднял голову, в дверях стоял товарищ Вахтанг. Шейте Сами под руку с тётей Полей уходила по коридору. Ребята заправляли рубахи и осторожно брякали мисками на столе. Товарищ Вахтанг с минуту глядел на всех, потом круто повернулся, так что в протезе у него что-то звизгнуло, и ушёл.

Все переглянулись, а подпевала Лазарев, повернувшись к Зорину, иронически протянул:

— Во спикирова-ала!..

Но Зорин не улыбнулся.

ЦЕЛЫЙ ВЕЧЕР Зорин маялся, как от зубной боли. Когда все улеглось спать, он решительно взъерошил волосы и, твёрдо прошагав по тёмному коридору, постучался к товарищу Вахтангу.

— Войдите, — сказал за дверью знакомый гортанный голос.

— Это я, — сказал Зорин, выходя на середину комнаты.

Товарищ Вахтанг сидел на своей солдатской койке в нижней белой рубашке. На полу блестел металлическими деталями протез. Оба долго молчали.

— Не спится, — сказал наконец Зорин.

— Бывает... Это ты придумал ей прозвище Шейте Сами?

— Я...

— Почему Шейте Сами?

— Она всё время нянечкам говорит: «Девочки, шейте сами себе одежду. И дешевле, и на будущее — кусок хлеба»... Вот и вышло — Шейте Сами.

— Понятно, — сказал товарищ Вахтанг и потянулся за папиросами.

Зорин достал из кармана зажигалку, сделанную из винтовочного патрона, дал ему прикурить. Товарищ Вахтанг кивком поблагодарил, взял у него из рук зажигалку, долго её рассматривал.

— Опять куришь?

— Нет, — ответил Зорин, — как договорились. А это — фронтовая память.

— Фронтовая, говоришь... — Товарищ Вахтанг закашлялся, помахал рукой и прямо взглянул Зорину в глаза. — В июле сорок первого на глазах у этой женщины, Зорин, сгорели вагоны с эвакуированными детьми. Эшелон зажгли «мессершмитты». Дети горели. А некоторые выпрыгивали из вагонов, и на них горела одежда. Платья на девочках горели... Вот почему она пришла работать в детдом. Она, великолепная портниха, пришла работать к детям... И что? — вдруг крикнул товарищ Вахтанг, и ноздри его красивого носа затрепетали. — Она плохо вас кормит?! Или вы ходите оборванцами?!

Зорин молча вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

УТРОМ ЗАВХОЗ появилась в столовой в косынке, надвинутой на самые брови. В комнате стало тихо. Только Лазарев, оглядываясь на Зорина, нетерпеливо ёрзал на табурете. Завхоз стояла у стола, недоверчиво и даже испуганно глядя на ребят. Но в ребячьих глазах не было скрытых смешинок. Она незаметно пожала плечами. И совсем растерялась, когда в тишине сам Зорин поднялся из-за стола и, элегантно склонив голову, сказал громко и отчётливо:

— Доброе утро, Зинаида Львовна!

Потом он медленно поглядел вокруг себя, и все ребята поднялись и вразной загомонили:

— Здра-авствуйте, Зинаида... Львовна!..

Завхоз одёрнула скатерть на крайнем столе, что-то дрогнуло в её лице, и она стремительно вышла, задев в коридоре металлическую урну. А Зорин поглядел на удивлённое лицо своего оруженосца Лазарева и звонко щёлкнул его по лбу.

ВЕЧЕРОМ МАЛЫШИ вырезали из толстой синей бумаги самолёты. Товарищ Вахтанг сидел в центре с ножницами и руководил.

— «Як»! — говорил он торжественно. Малыши, закусив языки и не спуская восторженных глаз с рук товарища Вахтанга, с трудом водили клацающими ножницами. На стол ложились ловкие синие «ястребки».

— «Мессер»! — презрительно говорил товарищ Вахтанг. Малыши начинали злобно сопеть, и фигуры «мессершмиттов» выходили карикатурно кривыми, с рваными краями крыльев. Бушуев и Калита играли в шахматы. Фигуры были самодельные, выкрашенные зелёной и чёрной краской. Зорин стоял коленями на табурете, подавал реплики. Его симпатии, как всегда, на стороне Бушуева, потому что тот играл слабее.

...А на улице вдруг раздалась песня. Все замолчали. Зорин первый подбежал к подоконнику. На улице в квадрате яркого света, падающего из окна, стоял маленький худющий мальчуган и, закрыв глаза, мрачно пел:

*Одна возлюбленная пара
всю ночь стояла у-у-у плетня...*

На певце был костюм, сделанный из гимнастёрки, один карман которой был, как и полагается, на груди, а второй — на правой штанине. Из того кармана, что был на груди, торчал огрызок варёной кукурузы.

— Откуда, служивый? — спросил Зорин.

Мальчик большим пальцем правой руки ткнул себе за спину.

— Чудно, — сказал Зорин, оглядываясь назад, — к нам обычно прибывают с запада страны. А тут — с востока.

Все детдомовские, столпившись у окна, незло улыбнулись.

— Дайте хлеба, — тихо попросил мальчик, но в этот момент к окну подошёл товарищ Вахтанг.

— Что тут? — спросил он и, увидев певца, облокотился на подоконник. — Ты кто?

— Дайте хлеба, дядя, — сурово попросил мальчик.

— А ты заходи сюда, дверь справа.

Но пришелец вмиг съёжился и рванулся назад, в темноту. Затрещали неподалёку кусты.

— Догнать! — коротко сказал товарищ Вахтанг, спокойно щёлкая портсигаром. Зорин, Бушуев и Калита один за другим вылетели в окно. Через минуту они уже по-разбойничьи пересвистывались в чёрной дали.

...Певца догнал и привёл Зорин. Он держал его за плечи и, тяжело дыша, уговаривал:

— Тихе, тихе! Ты своё отбегал...

Мальчик затравленно озирался, крепко держась за свою холщовую сумку. Его привели на кухню.

— Как тебя зовут? — спросил товарищ Вахтанг.

— Яшка, — ответил мальчик и глянул на огромную кастрюлю, стоящую на чёрной плите.

— Куда идёшь?

— В Ростов. Матку искать, — мальчик тяжело сглотнул, дёрнув кадыком худенькой шеи.

Товарищ Вахтанг коротко взглянул на Зорина.

— Щи остались с обеда, — сказал Зорин.

— Корми, — приказал товарищ Вахтанг, — потом решать будем.

ПРОШЛО ТРИ НЕДЕЛИ. Как-то вечером Бушуев выкрасил табуретки и привёл всех в изумление. Саша выставил товар лицом: две дюжины табуреток в шеренгу, и — это стало похоже на радугу! Ножки были разного цвета, краски ложились полосами вдоль, поперёк, и всё это играло и веселило душу. Некоторые из малышей было захихикали, но товарищ Вахтанг поднял ладонь и молча прошёлся вдоль ярмарочного великолепия Бушуева.

— Мо-ло-дец! — сказал он протяжно. — Это потрясает. Слушай, кацо, у тебя превосходное чувство цветовой гармонии! Тебе надо попробовать писать красками.

...Публика не поняла, про какую «цветовую гармонию» говорил директор и как это вместо чернил можно писать красками, но, несмотря на это, посмотрела на Сашу Бушуева с уважением.

...И началась эпидемия открытия

талантов! Через день после возвращения Саши Бушуева Калита объявил, что у него природные способности к технике. Он пошёл к знакомым солдатам в соседний военный городок, привёс от них полведра керосину и, засучив рукава, брызжа и шпикая на любопытствующих малышей, принялся отмачивать от ржавчины старинный велосипед, давно покинутый вниманием ребят и пылившийся в сарайчике...

Зорин с какой-то толстой книгой под мышкой пришёл лично поглядеть на деятельность Калиты. Он долго стоял рядом, раскачиваясь на пятках, и цыкал зубом. Потом ткнул глухо забренчавшую технику ногой. Калита злобно вскинулся, но Зорин остановил его ладонью и лениво сказал:

— Из этого драндулета уже делали примус.

— Ну!

— Потом самолёт, потом двустолку.

— Ну!

— В конце концов решили оставить так, как было.

— Дальше-то что? — окончательно вскипел Калита.

— А это были технари высокого класса, — закончил Зорин.

— Уж не ты ли? — саркастически спросил Калита.

Зорин многозначительно посмотрел на малышей и ушёл загадочным победителем — молча. Зайдя за угол, невидимый Калитой и ребятами, Зорин обмяк и потерял молодецкий вид. Усевшись на скамейку, он задумался над собственной судьбой. Задумывался Зорин обычно ненадолго, но глубоко. Однако на этот раз ничего не вышло. Зорин обшарил мысленно всё своё существо и с ужасом убедился, что он — бездарен!

Положение было отчаянное. И погода, словно нарочно, испортилась. Из-за гор, словно из-за синей стены, серым тестом ползли тучи. Ласточки со скандальным криком пластались над самой землёй. Рванул ветер, затрещала где-то брошенная на землю газета. Зорин топнул ногой и встал.

И в этот момент услышал песню. Пели в доме. Зорин подкрался к окошку с мотающейся на ветру рамой и, вцепившись в подоконник, подтянулся на руках. В сумрачной комнате, сидя на кровати с рубахой и иголкой в руках, пел Яшка. Пел он тихо какую-то медленную песню. Голос его звучал на каждой ноте долго, чисто, а в конце ноты давал томительную волну...

И тогда в сердце Зорина взошло солнце. Он понял, что тоже сможет пропеть ноту, как Яшка, протянуть её как блестящую нить, чтобы она не оборвалась и не провисла, оставаясь в ненавязчивом напряжении. Он вспомнил, словно открыл вновь, что у него есть слух! Он вспомнил себя! И хоть петь — это, наверное, в Зорине было не самое главное, — это было уже что-то!

И вечером следующего дня, после ужина, Зорин и Яшка исполнили ту самую песню, с которой в детдоме появился Яшка. Дело было в садике под вечер. Состроив из бровей скорбные домики, они с чувством пели, подпирая друг друга плечами — крепкий мускулистый Зорин и худенький, заострённый Яшка:

Двенадцать часиков пробило,

И все ушли уж со двора...

Закончив петь, Зорин деловито, независимо шмыгнул носом и, прищурившись, поглядел на всех. Калита и Бушуев молчали, глядя в землю. Малыши несмело шушукались. Девочки застенчиво хихикали. С минуту было тихо.

— Bravo! — вдруг сказал над головами, из сумрачного открытого окна, товарищ Вахтанг и захолопал. — Bravo!

Малыши облегчённо и обрадованно ударили в ладоши.

— Яша, — сказал директор, — это твоя песня?

— Моя. Верная песня!

— Верная? — переспросил товарищ Вахтанг. — Подавали хорошо?

— Да уж подавали, — с вызовом сказал Яшка, — особенно бабы.

Товарищ Вахтанг облокотился на подоконник:

— Ты хотел сказать: «женщины», — он выпустил ртом сильную струю дыма. — Это, Яша, давно было... А теперь? Два таких джигита тянут какую-то замогильную нищету... Я даже хлеба хотел принести, когда услышал.

Вокруг засмеялись.

— Ладно вам! — мгновенно рассвирепел Зорин. — Поём, как умеем!

— Да я и говорю: отлично поёте! — горячо подхватил товарищ Вахтанг. — За-ме-ча-тель-но поёте! (Зорин вслушался: директор не явил.) Даже на два голоса получалось. Но! — товарищ Вахтанг щёлкнул пальцами. — Репертуар!.. Разве это песня? Сейчас, знаешь, какие песни надо петь? Боевые! Про победу! Что-бы грудь поднималась!

— А душевные? — тихо, но строго спросил Яшка.

— И душевные, кацо! — сразу ответил директор. — Обязательно — душевные! Только не надо про «часики». Я правильно думаю? — спросил он всех.

— Верн-а-а! — разноголосно воскликнули малыши.

ПОСЛЕ УЖИНА, разминая в пальцах папиросу, товарищ Вахтанг поднялся и сказал:

— В больницу привезли раненых, с фронта. Большинство из-под Кёнигсберга. Я обещал, что в воскресенье мы их навестим. Надо приготовить подарки... Показать небольшой концерт, — он коротко глянул на Яшку, — в общем, надо подготовиться!

Ребята радостно загалдели, самые маленькие запрыгали. Товарищ Вах-

танг, глядя на них, дымил папиросой.

— Утром надо встать пораньше: есть один план, — тихо сказал Зорин Яшке. Яшка серьёзно посмотрел Зорину в глаза и кивнул.

Рано утром они пришли на лесной склад в километре от детдома. Зорин смело постучал в высокую дверь и сказал унылому человеку в кепке:

— Фомич! Вот такое дело: доски нужны.

— Кому нужны доски? — подозрительно спросил Фомич.

— Решили забор вокруг детдома городить, — гордо ответил Зорин, — приусадебный огород будет!

Яшка про огород слышал впервые, но, глядя на мрачного мужчину, кивнул головой.

— Понятно, — сказал Фомич, — чего же Вахтанг вчера ничего не сказал — мы на почте виделись?

Зорин пожал плечами.

— Ладно, пошли. Вот тележку возьмите, только — с возвратом!

Солнце уже встало и высушило росу на дороге, когда они дотащились до поселка. Зорин безбоязненно постучал в первую попавшуюся калитку, выкрашенную голубенькой краской. Над калиткой густой шапкой нависли кроны сада. На стук в глубине двора визгливо залаяла собака, брякнула невидимая цепь, потом кто-то прошаркал за калиткой, щёлкнул замок, и перед ребятами предстал заросший щетиной человек.

— Что надо? — спокойно спросил он.

— Хозяин, доски нужны? — небрежно кивая головой назад, спросил Зорин.

— Доски? — переспросил мужчина и через головы ребят взглянул на тележку. — Доски всегда нужны.

— Тридцать рублей, — с вызовом сказал Зорин. Яшка серьёзно и долго посмотрел на него. Человек поскрёб в щетине.

— Двадцать пять, — сказал он, беря из рук Зорина верёвочку тележки. И, не дожидаясь согласия ребят, покатиł её в сад.

ВЕЧЕРОМ ЗОРИН и Яшка ввалились в столовую, с трудом таща длинный, туго набитый мешок.

— Вот! — крикнул Зорин, отдуваясь. Яшка молча вытирал мокрую от пота шею.

— Что это? — подняв брови, спросил товарищ Вахтанг и подошёл к столу. Рядом с ним оказались Калита и Бушуев. Радостно и вопросительно блестят глазёнки малышей.

— Это — подарки! — торжественно выговорил Зорин.

— Подарки? — спросил товарищ Вахтанг.

— Да!.. Раненым! Яша, развязывай!

Из мешка на чисто выстиранную скатерть посыпались яркие яблоки. Малыши ловили их на краю стола, не давая скатиться на пол. Потом из

мешка тяжело выкатились две дыни, будто сделанные из старинной бронзы. Потом Зорин запустил руку в мешок и вытащил охапку коричневой чурчхелы и две пачки душистого табаку. Последними из мешка выпали десятка три конфет...

Зорин левой рукой обнял Яшку, а правой широко повёл над столом:

— Вот так!

— Здорово! — крикнул Лазарев и мелко захлопал в ладоши.

— Тихо! — сказал товарищ Вахтанг. — Вы что — побирались?

— Ну, как можно! — воскликнул Зорин, растерянно оглядываясь на Яшку. — Коммерческая операция, и только!

— Вот оно что! — сказал товарищ Вахтанг протяжно. — Начинаю догадываться... Но хотелось бы подробней.

В комнате стало тихо. Яшка вдруг брезгливо сморщился, дёрнул плечом, снимая руку Зорина и торопливо сказал:

— Мы продали доски... На складе выпросили... Обманули там... И продали. Потом купили это...

И снова стало тихо в комнате.

Товарищ Вахтанг шагнул назад от стола. Он сделал большой шаг назад, и протез его скрипнул. Потом от стола шагнул Саша Бушуев. Потом Калита. А вслед за ними на шаг отступили малыши. Последним от стола отошёл Лазарев. Зорин поднял руки, но тут же опустил их. А Яшка вцепился в скатерть, и смуглое лицо его стало белым.

УТРОМ ЗОРИН с каким-то исковерканным от слёз лицом ждал товарища Вахтанга в коридоре.

— Или простите нас, — сказал он тихо, — или мы с Яшкой уйдём куда-нибудь.

— Просить прощения будете и у ребят, — сказал директор, — возможно, они поймут вас и простят, как это постараюсь сделать я, — директор помолчал. — Историю с досками срочно уладить! Это честь нашего дома, — товарищ Вахтанг посмотрел Зорину прямо в глаза. — И ещё: когда же вы у меня, джигиты, станете взрослыми?

Зорин испуганно-счастливо глянул в лицо директора, потом бросился к нему, обнял за талию и совсем уж по-детски разревелся.

— Ну-ну, будет тебе, будет, — успокаивал товарищ Вахтанг, с улыбкой глядя в потолок. — Ты мне лучше скажи: где Яша?

— В са-а-рае, — по слогам протянул Зорин, — тоже не спавши-и...

— Иди, приведи его, а нет — ещё руки на себя наложит!

— И то! — горестно и облегчённо всхлипнул Зорин и, вытирая ладонями лицо, побежал по пустому коридору.

— ДОСКИ Я ВАМ ОТДАМ, — хотя пробубнил хозяин голубой калитки, и оттопыренная губа его стала похожа на небольшой соусник, — они

у меня ещё не в деле. А вы мне — денежки назад.

— Денег нет, — сумрачно отрезал Зорин.

— Это как же? — грустно засмеялся мужчина. — Доски отдавай, а денежки тютю... Весёлые купцы.

— Мы можем отработать, — тихо сказал Яшка.

— Да-а? — сразу став серьёзным, спросил мужчина. — Отработать — это дело. — Он огляделся. — Работа найдётся... Канавку вдоль заборчика прокопать — раз. Яблоки соберём — два. Дымоход почистим. Ну и по мелочи что. И — в расчёте. Идёт?

— Давайте, — хрипло сказал Зорин и махнул рукой. — Где тут у вас лопаты?

НА УЛИЦЕ ШУМЕЛ по листьям щедрый южный дождь.

В больничной палате — большой квадратной комнате — стояло двадцать коек, по десять с каждой стороны от прохода. Товарищ Вахтанг стоял в гуще ребят в накинутах на плечи халате и медленно обводил глазами койки. На строгом торжественном лице его блестели глаза и, хоть стоял он неподвижно, что-то вздрагивало в его груди, и от этого тихонько позванивали надетые орденна.

Подарки очень понравились. Вышивки, самолётики и рисунки ребят пошли по рукам, раненные даже поссорились, когда не хватило на всех синих «ястребков». Один малыш тут же достал ножницы и принялся вырезать самолёт из коробки от лекарств. Зорин подошёл сзади к директору и негромко спросил:

— А можно нам с Яшкой спеть? — И заторопился закончить, глядя на желвак, заходивший на щеке директора: — Как подарок...

Директор улыбнулся:

— А репертуар? Подходящий?

— Подходящий! — Зорин махнул Яшке, стоящему у крайней койки и не спускавшему глаз с директора.

— Давайте! — кивнул товарищ Вахтанг.

...Они пели песню о красных кавалеристах. Зорин, высоко подняв грудь, торжественно раскатывал букву «р»:

*Мы кррасные кавалерристы,
И прро нас
Былинники ррречистые
Ведут рррассказ!..*

Глаза у Зорина блеснули, словно он видел, как синий закат оттеняет силуэты всадников с пиками и горнистом впереди. В том месте, где «пусть гром гремит», Зорин ударял себя по бедру, в боковом кармане у него брякали какие-то железки, и это особенно нравилось малышам, которые вместе с ранеными хлопали неистово.

В н и м а н и е: К О Н К У Р С!

Напечатанный в мартовском номере «Искорки» рассказ в рисунках польского художника Богдана Бутенко вдохновил многих читателей. В редакцию пришло очень много подписей — в стихах и в прозе. Значительное число авторов впервые испытывали свои стихотворные способности. Некоторые признаются, что побаивались писать в редакцию. А чего бояться? Надо же когда-то начинать!

Надо отметить, что у большинства подписей был один и тот же недостаток: они добросовестно излагали в стихах то, что изобразил художник: бегемот впервые встал на лёд, но упал и, чтобы не ушибаться в дальнейшем, привязал подушку.

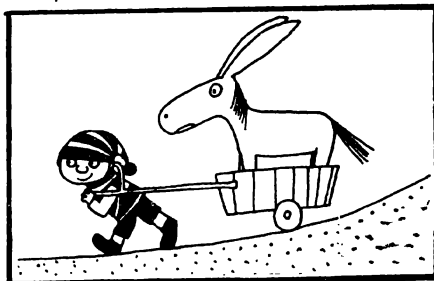
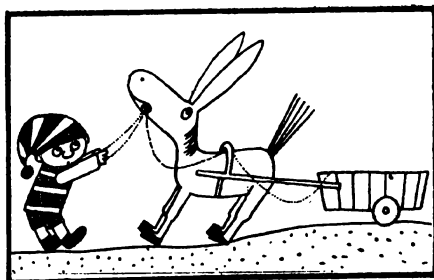
Поэтому жюри признало более удачной подпись ученицы 7-а класса 390-й школы Лены Карлинской, которая, как оказалось, уже 4 года читает «Искорку», но впервые отважилась послать свою подпись на конкурс. Лена поняла рисунки посвоему и оригинально:

Упал тяжёлый бегемот
И расколол прозрачный лёд.
И чтоб каток не портить впредь,
Решил подушку он надеть!

Ей и вышлет жюри весёлую премию. А всех остальных участников конкурса жюри благодарит за их труды и желает успеха в очередном задании: придумать весёлую подпись к новым рисункам того же художника.

Срок — до 20 июня.

ЖЮРИ

П Я Т Ъ Р К А

Куница не соображала в математике, хотя думала из-за всех сил: сосала кончик авторучки и шевелила фиолетовыми губами, испачканными чернилами. По другим предметам у неё были четвёрки и пятёрки, поэтому тройка по математике могла испортить табель. Всё решала четвертная контрольная, к которой пытался подготовить дочку отец Куницын. Разложив тетради и учебники, он объяснял задачи Куницей до тех пор, пока она не расплакалась. Переполненные жалостью родители оставили свою Люсю в покое, тем более что по режиму ей полагалось спать. Куницу любили и о ней заботились.

Юрку Смирнова тоже любили и о нём тоже заботились, когда был жив папа и мама ещё не уехала. Теперь мама присылала взрослые письма, от которых щипало в носу, и должна была скоро приехать. А жил Юрка с бабушкой Брушкой, честно выполнявшей свои обязанности: кормить Юрку четыре раза в день и один раз дополнительно и переодевать его в чистые рубашки. Бабушка плохо разбиралась во всех школьных предметах и, кроме того, считала тройку прекрасной отметкой для мальчика, живущего без родителей.

Зато бабка здорово строчила на швейной машине трикотажные кофты всех цветов, сдавала их в артель и получала столько денег, что даже давала Юрке на кино по воскресеньям.

Юрка был не просто троечник, а ко всему и прогульщик. И с этим ничего не могла поделать учительница Наталья Петровна. Убедить бабку в том, что Юрка прогуливает, было невозможно. Упрямая бабка Брушка твёрдо знала: раз ребёнок утром с портфелем вышел из дому и этот ребёнок — тихий Юрочка, то куда же ему идти, как не в школу. Но Юрка сворачивал в библиотеку и там читал запоем Алексея Толстого, Джека Лондона, Диккенса, Тургенева и Конан-Дойля.

Чтобы в школе было поменьше неприятностей, Юрка пропускал уроки выборочно и нерегулярно. Ответственной четвертной контрольной он совсем не боялся: терять нечего, но в этот день в школу пришёл.

Начался урок математики. Бедная Куницина сидела опустив голову и переживала, что отличники сидят в разных углах класса и оба эти угла очень далеки от Люсиной парты, а впереди сидит троечник Юрка. Задача была написана на доске. Прочитав её условие, Люся Куницина затосковала.

Неожиданно для себя Юрка узнал задачу — точно такую позавчера решали в классе, только в той задаче были яблоки, а не машины, и надо было делить количество яблок на три склада поровну, потом ещё вычесть проданные магазину. «Тут надо умножить, наоборот!» — сообразил Юрка. Радостное возбуждение охватило его. Юрка считал прямо в тетради, зачёркивал, волновался, поставил кляксу, опять исправлял и решил задачу. Сам решил!

— Люська, я решил! — сообщил он Кунициной.

— А-а-а, — печально вздохнула она.

— Давай списывай! — и Юрка положил тетрадку на середину парты, а сам изогнулся так, чтобы не загораживать её плечом.

Круглым почерком Люся аккуратно списала решение. Учительница удивилась, что Юрка вертится, но ей и в голову не могло прийти, что он может решить задачу и ещё даст кому-то списать.

В этот день Юрка чувствовал себя настоящим человеком.

Назавтра он пришёл в школу и очень ждал урока математики. Наконец Наталья Петровна начала объявлять отметки. Ученику Смирнову она поставила тройку, хотя решение оказалось верным, но уж очень грязно Юрка его записал. Ученица Куницина получила пятёрку.

Несправедливость поразила Юрку. Как же так, ведь он сам решил, сам! И нельзя крикнуть: «Нечестно, я же решил, не она. Мне тройка, ей пятёрка за списывание».

Но разве можно выдавать Люську?

И надумал Юрка ничего никому не говорить, даже другу Димке.

Самое главное — это его пятёрка и он её заработал сам, своей головой.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Было это тридцать четыре года назад. Сосчитали — когда? Да, шёл второй год войны. На фронте — трудно, очень трудно, а до фронта от наших мест — Карелия! — подать рукой. В школу мы ходили. И холодно, и голодно. Сидишь за партой, постукиваешь валенком о валенок, а на уме — достанет мать хлеба или опять сегодня одна жидкая похлёбка из картофельной кожуры?

Жили мы в приозёрном посёлке — народу немного, знали, кто чем дышит. Когда поползли чёрные слухи, что фашисты вот-вот займут Петрозаводск, а значит, и наш посёлок — три шага до города! — что гитлеровцы не пощадят ни одного активиста, даже пионеров, все поняли: слухи эти, как помой, vyplёскивает на улицу жёлчная Игнатиха. Она и до войны недолюбливала Советскую власть: муж, продавец поселкового магазина, сидел в тюрьме за крупную растрату денег. Займут немцы Петрозаводск или наши войска по-

вернут их вспять, мы не знали, только несколько ребят стали ходить в школу без пионерских галстуков — осторожные матери заставили снять.

Вот тогда-то и бросилось всем в глаза: Петька Дёров, сын нашей школьной уборщицы, куда бы ни шёл ни ехал — в пионерском галстуке. По дрова ли, по сено ли — в галстуке, в магазин ли, к соседям ли — в красном. Алые язычки Петькиного галстука метались везде: в полях, в лесу, на озере, в посёлке — в каждом доме. Кроме одного — Игнатихи, едва Петька направлялся к этому дому, как ворота перегораживала толстая палка — батог, молчаливо запрещающий входить в жилище. Своим галстуком Дёров бросал вызов всем, кто смалодушничал, стыдил их, и ребята тайком от матерей надевали галстуки в школе.

От Игнатихи злоба к пионерскому галстуку передалась её сыну — Лёньке Хвосту. Своё прозвище он получил недаром: толстый, неповоротливый, Лёнька везде был хвостом — тащился сзади. На целую голову выше низкорослого, щуплого Петьки, Хвост прижал Дёрова в школе в тёмном углу и потребовал снять пионерский галстук. Как бы не так! Получил, что заслужил: крепкую оплеуху. Дело было при свидетеле: коротышка Славка Пупсик со всех ног припустил в класс и рассказал о случившемся. Весь наш пятый-б ринулся на место происшествия: красный, пристыженный Хвост дышал, как самовар, но и пальцем не задел Петьку — каждый из прибежавших мог стать заступником Дёрова.

— Знаешь, кто ты? Знаешь? — наливался кровью Хвост, наконец, прошипел злобно, разделяя слова: — Красный Галстук — вот кто ты!

Кто не понял, а кто рассмеялся: ну, и прозвище дал Хвост — необычное. Если большинство прозвищ в общем-то было неприятно ребятам (Пупсик, Хвост, Крю-

чок) и они, услышав обидное слово, лезли в драку, то здесь случилось обратное: прозвище это к Петьке пристало, но в нём не было ничего обидного, значит, само по себе оно и не было прозвищем,

а скорее похвальным отличием. «Поручим Красному Галстуку», — стали говорить в школе. «За почтой? Пошлём Красного Галстука», — доверяли Петьке самое заветное поселковые женщины.

Посылали Петьку за почтой ещё и потому, что Дёровым приходили письма с фронта от отца чаще, чем другим. И слал сапёр Дёров, как бы ни было трудно на войне, письма бодрые, полные веры в победу над врагом. Никаких секретов в этих письмах не содержалось, по просьбе Красный Галстук читал их всему посёлку. Слушала те письма и Игнатиha, недоверчиво поджав губы.

Фашисты наседали—настал час эвакуации населения посёлка. Дело добровольное: Игнатиha с сыном остались. «С какой стати трогать нас немцам? — с вызовом говорила Игнатиha. — Муж-то в тюрьме».

Хвост тоже ходил гоголем, задираясь с ребятами по пустякам.

— Удираешь, Красный Галстук? — ехидно бросил он Петьке. — Шкуру спасаешь?

Дёров так глянул, что Хвост осёкся:

— Смотри, Лёня! Вернёмся скоро...

Вернулись мы в посёлок скорей, чем думали. Две баржи с эвакуированными чахоточный буксир—двигатель беспрерывно кашлял — вытянул километра на три от берега. Тут-то и налетели фашистские стервятники. Бомбардировщики один за другим со свирепым воем пикировали на баржи и сбрасывали бомбы. Задняя баржа загорелась от первого же попадания и стала тонуть... Вспыхнул пожар и на нашей барже. Мы с надеждой заметили, как от берега отделились баркасы и лодки — оставшиеся в посёлке бросились на помощь, не испугавшись бомбёжки.

Наша баржа стала тонуть.

— Ребята, прыгайте за борт! Спасут! — закричали матросы.

Легко сказать! Начало октября — вода уже холодная. Не каждый плавать умеет. Да и высоко вато — с баржи. Я стоял рядом с Дёровым на краю палубы.

— Ребята, не трус! — Красный Галстук схватил меня за руку, и

мы очутились в ледящей воде. Сверху посыпались ребята — пример был дан, страшнее всех первому.

Петька держался на воде великопно, он помогал мне и подбадривал ребят:

— Не трус! Дальше от баржи! Дальше!

Вода бурлила: следом за ребятами бросались за борт взрослые. Дёров был прав: тонущая баржа быстро пошла на дно, образовав глубокую воронку—в неё затянуло всех, кто не успел отплыть подальше. Долго посёлок не мог прийти в себя от страшной беды. Игнатиha прикусила язык: все убедились, на какую подлость способны фашистские изверги.

Раньше еды не хватало, а теперь совсем стало туго: съестные припасы эвакуированные взяли с собой, всё поглотило озеро. И всё-таки мы ходили в школу — и я, и Дёров, и Хвост, — теперь уже в шестой-б.

— Идея! — загорелся Петька. Его алый галстук мелькал то в поселковом Совете, то в школьном кабинете ботаники. — На полях — колосье! Зерна мешков десять будет. Из него — мы подсчитали с ботаничкой — можно выпечь тысячу караваев хлеба!

Сначала вышли за колосками человек пять. За день мы с Петькой собрали по три корзины полновесных колосков: поле убрали перед эвакуацией наспех. В посёлке убедились: колоски — хлеб! На поля вышла вся школа. Надоедливая работа — собирать колоски, что и говорить. В кровь исколешь руки о стерню. В ясный день солнце ещё припекает в спину — плохо, в ненастный день дождиком прохватывает нас сквозь — ещё хуже.

Через два дня сказался больным Хвост. Это никого не удивило. Потом не вышли в поле трое ребят из нашего класса. Мы с Дёровым зашли домой к одному из них: здоров!

— Нужны мне колоски! — заявил дезертир. — Хвост сразу хлебом расплавляется...

Оказывается, сынок небедной Игнатики устраивает в рощице за посёлком потешные игры: прокатится верхом на мальчишке, как на лошади, — получай ломтик хлеба.

...Мы с Дёровым появились в самый разгар очередной потехи. Хвост уже прокатился на слабеньком, тонком, как берёзовый лист, Славке Пупсике, тот часто дышал — прокати-ка такую тушу! — и жадно грыз твёрдый кусок хлеба. В сторонке дожидались своей очереди четверо ребят, таких же хрупких, как Пупсик. Словно ветром подхватило Петьку — Красный Галстук подскочил к Хвосту и срывающимся от волнения голосом крикнул:

— Гад! Что делаешь?!

— А что? Хлеб мой, не ворованный...

— Дай сюда!

Хвост заколебался. Краюха чёрствого хлеба лежала возле ног. В ней была его, хвостовская, власть.

Дёров нагнулся, не опасаясь, что Лёнька может его ударить, поднял хлеб и подошёл к ребятам:

— Эх, вы!..

Ребята сконфуженно опустили головы. Красный Галстук разломил хлеб на пять частей:

— Ешьте, не бойтесь.

Хвост растерялся: его хлеб едят на его глазах! Но ведь на Дёрове — пионерский галстук, алый, как флаг Советской власти.

— Теперь, — уже спокойно и насмешливо сказал Красный Галстук, — ты, Хвост, станешь конём, а ты, Слава, джигитом. И — до самого поля. Пусть школа посмотрит.

Ребята заулыбались: забавно было представить коротышку Пупсика, выезжающего в поле на толстом, покорном, как битюг, Хвосте.

Славка замотал головой:

— Не хочу!.. Ну его! Пойдёмте на колоски.

— Пойдёмте, — согласился Красный Галстук. — Кончилась ваша болезнь.

Мы гурьбой направились на поле, оставив Хвоста в облетающей последними листьями роще.

Шила в мешке не утаишь — слух о хвостовских потехах облетел весь посёлок. Хвост затаился, наверное, задумал мстить. Я стал держаться возле Петьки: что он против Хвоста? И смелый, и решительный, не продажный — настоящий друг, а вот силой физической не вышел.

Сбор колосков заканчивался. Собранное за последние дни снесли в одно место — на ровном поле выросла внушительная пирамидка. Чтобы отвезти колоски в амбар, не оказалось подводы. Фронт гремел рядом, в тот день понадобились все поселковые повозки. Пирамидку колосков укутали на ночь соломой, а охранять добро до утра вызвался, конечно, Красный Галстук. С ним напросилось с десяток ребят. К ночи к дежурным пришёл и я, дождавшись, когда уснёт захворавшая мать. Ночи в октябре тёмные и холодные — у ребят горел костёр. Огонь обжигал лицо, но спину прохватывало осенним сырым холодом. Пришлось играть в чехарду. Вблизи огня потёмки гуще, не узнаешь друг друга. Это прибавляло веселья. Вдруг испуганный крик «Горит!» заставил всех вздрогнуть: куча колосков взялась пламенем. Что, как, почему? От искры нашего костра? — далеко костёр...

— Скорей! — скомандовал Красный Галстук.

Дёров на ходу сорвал с себя фуфайку, подбежал к пожарищу и стал сбивать фуфайкой пляшущие языки огня. В ход пошли шапки, пальто, пиджаки — думали пригасить огонь одеждой. Он было ослабел, да скоро вспыхнул с новой силой. И тут Красный Галстук с разбегу прыгнул в середину бушующего огня. Он, конечно, думал примять огонь телом, но вверх поднялся столб огненной пыли: сере-

дина кучи успела прогореть дотла. Воздуху стало доступней — пламя взбесилось.

Сгорит! Огонь хлестал в лицо, жёг руки, едкий густой дым забивал глотку. Мы навалились на кучу. Поздно—беда свершилась. Погиб наш Красный Галстук. Половину пирамидки удалось-таки спасти. Горек же был хлеб из этих колосков!

...Вы спросите, что стало с Хвостом? Ведь это он поджёг колоски? Да, он. Ему было на руку, что ребята разожгли костёр: от него, мол, и загорелась солома, вот дежурные и спалили колоски, а виноват в первую очередь Красный Галстук.

Так бы, возможно, и думали. Но, устранившись содеянного, гибели Красного Галстука, Хвост три дня

скрывался в лесах, пока не заморило голодом. Вышел-таки к людям. Отправили Хвоста в исправительную колонию для малолетних правонарушителей. Где он сейчас, не знаю. Хочется думать, что стал человеком, искупил вину, работает и живёт, как все честные люди.

Разбросало нас после войны, повзрослевших, кого куда. Но память о военном детстве собрала нас в родном посёлке. На белом мраморе могильной плиты мы высекли четыре слова, как четыре алых гвоздики: «Петя Дёров — Красный Галстук». Мы не поставили дату гибели героя: для нас он, как был, живой — с летящими на ветру алыми концами пионерского галстука.

Рис. Г. Моисеевой

Г. ГРИГОРЬЕВ

Вробей

*У кого, у кого
потерялась буква «о»?
Ма-а-ленькая буковка,
круглая, как пуговка.*

*Бойко скачет по дорожке,
подбирая клювом крошки,
всё быстрее и быстрее
птица странная — вробей!*

*Растеряха, не робей!
Ты лети сюда скорей.
Здесь твоя буковка,
круглая, как пуговка.
Мы тебе её вернём —
снова будешь воробьём!*

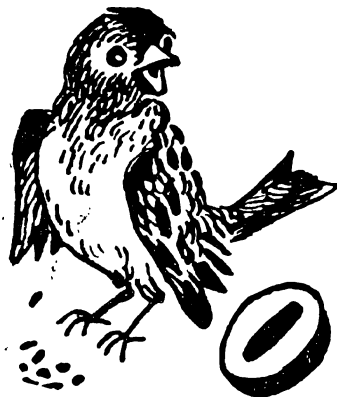

Рис. А. Позлевича

Пётр Заломов и Павел Власов

Наше путешествие по маршруту литературных героев, как вы, наверное, помните, началось с пушкинского Евгения из «Медного всадника». Мы ещё вернёмся к персонажам русской классической литературы, а сегодня сделаем некоторое отступление во времени. Дело в том, что 14 мая 1977 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося рабочего-революционера Петра Андреевича Заломова. Это он послужил Алексею Максимовичу Горькому прототипом для знакомого вам по роману «Мать» Павла Власова. Вот о том, как это произошло, я и хотел бы рассказать вам сегодня.

...1 мая 1902 года колонны сормовских рабочих вышли на улицу. Зазвенели революционные песни. Над рядами взвились красные знамёна, на которых были начертаны требования рабочих. Впереди всех, держа флаг с надписью «Долой самодержавие!», шагал крупный широколицый молодой человек. Это был Пётр Заломов. Один из активнейших рабочих — организаторов и пропагандистов в Сормове, член Нижегородского комитета РСДРП. Солдаты начали разгонять демонстрантов. Заломов был арестован и приговорён к пожизненной ссылке.

При содействии Алексея Максимовича Горького Заломов вскоре бежал из ссылки. Встреча писателя и будущего его литературного героя произошла в 1905 году на даче Горького в Куоккале. Раньше свидеться им не удавалось по условиям конспирации. И вот теперь писатель, внимательно и дружелюбно глядя на Петра Заломова, подробно расспрашивал его. Всё интересовало Горького — жизнь Петра в Сормове, где часто бывал и сам Горький, родители Заломова, подробности знаменитой сормовской демонстрации. Многие узнал Алексей Максимович в тот день о семье Заломовых.

Горького поразила внешность Заломова — его фигура, рост, могучее телосложение. После первого объятия писатель отошёл немного в сторону, ещё раз, прищурив глаз, взглянул на статного Петра Андреевича и не без гордости за него воскликнул: «Так вот вы какой!» Заломов давно следил за творчеством Алексея Максимовича, ему очень нравилась «Песня с Соколе». Он был рад, что может лично высказать писателю своё восхищение этой героической песнью. И ещё он сказал Горькому, что готов в бою заслонить его своей грудью, на что писатель ответил, что и он готов это сделать ради такого сокола, как Пётр Заломов.

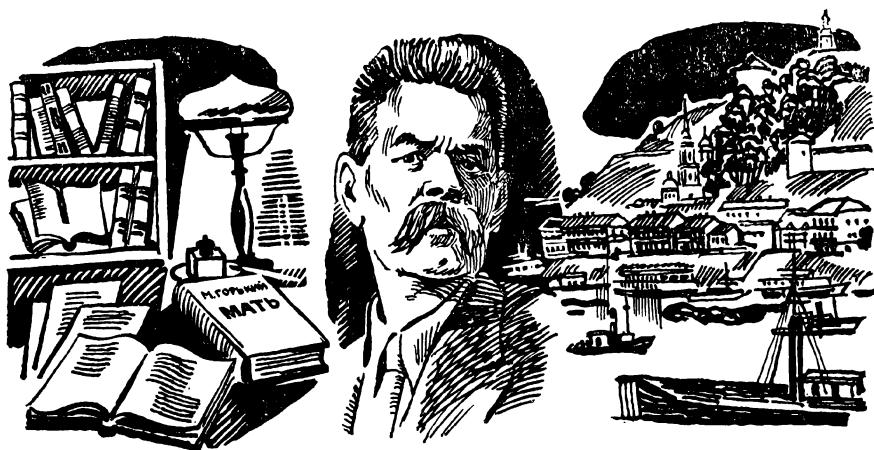
Теперь мы с полным основанием можем назвать эту встречу исторической. Рассказ Заломова лёг в основу романа «Мать», завоевавшего всемирную известность. Долго беседовали писатель и рабочий. Пётр Андреевич рассказывал Горькому о своей судьбе, о своём отце и своей матери Анне Кирилловне Заломовой, ставшей прообразом матери Павла Власова Пелагеи Ниловны.

— Отец у меня пил, — говорил Пётр Заломов. — Часто бывало, что мать со слезами на глазах посылала меня купить водки на последние гроши. Она оправдывала отца, говорила, что он пьёт от тяжёлой работы. Отец умер в тридцать восемь лет, когда мне было всего около восьми лет. Мать говорила, что он умер от яда, который выделяется при плавке меди.

Рассказал Заломов и о том, как перед вступлением в подпольную марксистскую организацию проверял свою силу воли, испытывал себя на боль, вгоняя в пальцы булавку. Потом он на деле проверил свою выдержку: зная, что солдаты могут поднять его на штыки, всё же взял в руки знамя и пошёл впереди колонны.

Узнал Горький и о той беспросветной нужде, грязи и беспорядке, в которых жили Заломовы и их товарищи по работе. В романе «Мать» рабочая слободка очень напоминает Сормово незадолго до революции 1905 года. Эту картину мы видим с первой же страницы романа Горького:

«Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы. В холодном сумраке они шли по немощёной улице к высоким каменным клеткам

фабрики; она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грязную дорогу десятками жирных, квадратных глаз. Грязь чмокала под ногами... Вечером, когда садилось солнце и на стёклах домов устало блестели его красные лучи, — фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам, закопчённые, с чёрными лицами, распространяя в воздухе липкий запах машинного масла, блестя голодными зубами».

В Сормове, как и в рабочей слободке из романа «Мать», были гнилые болота. Заводоуправление решило осушить эти болота за счёт самих рабочих. Дирекция отдала распоряжение высчитывать по копейке с рубля рабочего заработка. Рабочие не подчинились администрации. Возглавил борьбу за ликвидацию «болотной копейки» Дорофеев. Его засадили в тюрьму, но вынуждены были через неделю выпустить — рабочие настояли на своём. И в жизни, как в романе, был убит сыщик в лесу, когда тот увязался за Заломовым.

О том, что судьбы Ниловны и матери Заломова совпадают, говорил сам Горький: «Ниловна — портрет матери Петра Заломова, осуждённого в 900-х годах за демонстрацию 1 мая в Сормове». Анна Кирилловна Заломова проникала с прокламациями на завод, распространяла их среди населения Сормова. Она была умелым конспиратором. Заломов говорил, что его мать, пожалуй, вела себя более осторожно на вокзале, чем Ниловна. Таких женщин, как Заломова, было немало. Об этом слова самого Горького: «Она (А. К. Заломова. — Ю. Р.) не исключение. Вспомните мать Кадомцевых, судившуюся в Уфе за то, что она пронесла в тюрьму к сыну бомбы, коими была взорвана стена во время побега. Я мог бы назвать с десяток имён матерей, судившихся вместе с детьми и частью лично мне известных.» Всё это так. И Заломов и его мать не были героями-одиночками, как не было и Сормово единственной рабочей слободой, где назревали революционные бури в начале XX века. Пётр Заломов признавал всё это. Вот что он писал Горькому в письме от 19 января 1936 года: «Я не обманываю себя и прекрасно учитываю, что моя популярность зиждется не столько на моих заслугах перед пролетарской революцией, сколько на том, что я случайно попал в лучи твоей мировой славы, что меня отождествляют с твоим Павлом Власовым». Он был очень скромен, он считал себя таким же, как сотни и тысячи других борцов за дело революции. Однако сам

Ленин высоко оценил действия Заломова и его товарищей, их пламенную речь на суде, приговорившем Заломова к пожизненной каторге.

«Пример Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и их товарищей, героически поддержавших на суде свой боевой клич: «Долой самодержавие», воодушевит весь рабочий класс России для такой же героической, решительной борьбы за свободу всего народа...» — писал В. И. Ленин.

Да, не случайно Заломов заинтересовал великого пролетарского писателя, не случайно он стал прообразом Павла Власова, ибо он был одним из самых активных и передовых рабочих того времени. Горький не ставил своей задачей в точности воспроизвести жизненный путь Заломова. Детские годы Павла Власова отличаются от детства Заломова. Непосредственного участия в истории с «болотной копеей» Заломов не принимал. Речь Павла Власова на суде была не столь зрелой и пламенной, как речь Заломова. Горький обобщил в своём романе историю многих борцов за свободу. Он сам был свидетелем и участником революционных событий 1905 года в Петербурге, не раз бывал в Сормове.

Ссылка в далёкую, заброшенную сибирскую деревушку не сломила Петра Заломова. Он занимался самообразованием, изучал английский и немецкий языки, писал стихи. В этих бесхитростных стихах искренняя вера в победу революции, в торжество добра и справедливости.

*Вековечное зло сковало весь мир,
В лёд сердца превратило людей;
Но уж скоро погибнет насилья кумир,
Мы дождёмся и радостных дней.
И наступит желанная в мире пора —
Торжества вечной правды идей,
От любви ледяная растает кора
На сердцах обновлённых людей.*

Тюремные застенки и ссылка подорвали могучее здоровье Петра Заломова. Осенью 1906 года Заломов с семьёй поселился в небольшом городке Суджа Курской губернии. Здесь за ним вёлся неусыпный полицейский надзор.

Народ сверг власть царя, помещиков и капиталистов. В декабре 1917 года Заломов принимает участие в работе II Всероссийского съезда крестьянских депутатов в Петрограде. Депутат судженских крестьян, Заломов внимательно слушал выступление В. И. Ленина, говорившего о значении Октябрьской революции, о строительстве новой жизни. Снова встретился Заломов с Горьким, писатель долго расспрашивал своего давнишнего друга обо всём, что тот видел в Судже.

Участвуя в установлении Советской власти в Судже, Заломов написал проект организации уездного Совета народных комиссаров. Его избрали комиссаром труда на уездном съезде рабочих и крестьянских депутатов.

Наступление войск кайзеровской Германии на Украину весной 1918 года прервало работу Суджанского Совета. В городе начали хозяйничать ставленники немецких оккупантов — гайдамаки. Без суда и следствия они расстреливали ни в чём не повинных людей, сжигали дома, грабили. Заломов вынужден был скрыться из Суджи. А в начале сентября 1918 года он вернулся в город, чтобы вести подпольную революционную работу. И на другой же день по предательскому доносу гайдамаки арестовали Заломова. Его приговорили к расстрелу. Но под ударами Красной Армии и партизанских отрядов немцы бежали с Украины. Оставшись без поддержки, гайдамаки растерялись. Им было уже не до заключённых. Заломов вышел на свободу.

Летом 1919 года Суджу заняли деникинцы. И снова грабежи, убийства. Ночью деникинцы явились к Заломову с обыском. Вновь Пётр Андреевич предстал перед судом.

Белогвардейцы приговорили Заломова за участие в организации Советской власти к повешению. Осуждённых разделили на две группы. Пётр Андреевич попал во вторую. И это его спасло. Деникинцы предали первый десяток заключённых мученической смерти: их бросили в котлы с кипящей смолой. А пока готовились к расправе над второй группой, части Красной Армии прорвались к Судже. Белые кинулись в бегство. Снова смерть миновала Заломова.

Тяжёлая болезнь надолго приковала Петра Андреевича к постели. Только в начале 1924 года Заломов после лечения вернулся из Москвы в Суджу и вновь включился в общественную работу. Он инициатор создания колхоза «Красный Октябрь» в Судже. Переписывается с И. В. Мичуриным, получает от него новые сорта плодовых деревьев. Горький из Италии сообщал: «Я внимательно слежу за жизнью старой рабочей гвардии и недавно был обрадован вестью, что Пётр Заломов жив и здравствует...» Летом 1934 года Заломов вновь встретился с Горьким на его квартире в Москве. Радостной и волнующей была эта встреча.

Зимой 1935 года Заломов побывал в Сормове на праздновании 30-летия сормовского вооружённого восстания. Ветеран вернулся в Суджу помолодевшим, полным сил и энергии.

В тяжёлый 1943 год в газете «Комсомольская правда» было опубликовано письмо П. А. Заломова, посланное им на фронт воину-комсомольцу Николаю Черпакову. Там есть такие строки:

«Я всю свою жизнь боролся за счастье и светлое будущее своего народа. Пятнадцатилетним пареньком я выполнял ответственные поручения подпольной партийной организации: распространял листовки среди рабочих... В трудное время встречаем мы день Первого мая. Но мы верим в окончательную победу над врагом. Эта вера в наше святое дело дала мне силу и мужество, когда я свыше 40 лет тому назад, Первого мая 1902 года, вышел с Красным знаменем в руках во главе демонстрации сормовских рабочих...

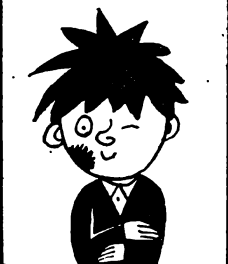
Много лет прошло с тех пор. Три раза враги приговаривали меня к смерти. Но я никогда не сомневался в нашей победе... Когда будешь идти в атаку и отражать напор гитлеровских банд, помни об этом... Помни и отомсти за всё».

В июне 1949 года, в год столетия завода «Красное Сормово», Заломов был награждён орденом Ленина. Ветеран революционного движения, Пётр Андреевич Заломов прожил долгую, яркую и счастливую жизнь. Его могучее сердце перестало биться 17 марта 1955 года.

ПРИШЁЛ И
СПОКОЙНО УСЕЛСЯ
ЗА ПАРТУ.

ВСКРИЧАЛИ РЕБЯТА:

—ДА ГДЕ Ж
ПРОПАДАЛ
ТЫ?!

Но Витя в ответ ничего
НЕ СКАЗАЛ, А РУКИ ВДРУГ
ПОДНЯЛ, ПРИЩУРИЛ
ГЛАЗА—

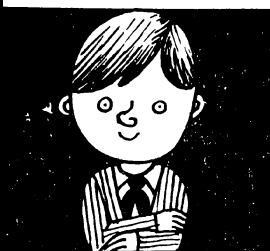
И КЛАСС ВДРУГ
НАПОЛНИЛИ
ВОЛНЫ ГИПНОЗА—
РЕБЯТА ЗАСНУЛИ
В НЕМЫСЛИМЫХ
ПОЗАХ...

Когда же проснулись,
ЗАБЫЛИ В МГНОВЕНЬЕ
ПРО СТРАННОЕ ВИТКИНО
ИСЧЕЗНОВЕНЬЕ...

Но Вскоре, ХОТИТЕ ВЫ
ИЛИ НЕ ХОТИТЕ, ВСЕ
ВИДЯТ, ДРУГИМ СТАЛ
НАШ ГАВРИКОВ ВИТЯ:

В СБОР МАКУЛАТУРЫ
ВКЛЮЧИЛСЯ ВДРУГ ОН
И ЛИЧНО ДОСТАВИЛ
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТОНН.

Стал вежлив, опрятен,
И ДАЖЕ, ПОВЕРЬТЕ, ОН
ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ
В ШКОЛЬНОМ
КОНЦЕРТЕ

Все двойки испра-
ВИЛ В НЕВИДАННЫЙ
СРОК...

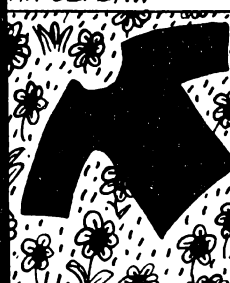
В ЧЁМ ДЕЛО? НИКТО
ДОГАДАТЬСЯ НЕ МОГ.

НО ТАК УЖ
СЛУЧИЛОСЬ,
ЧТО КАК-ТО
ПОД ВЕЧЕР
ШЁЛ
ВИТЬКА С
ДРУЗЬЯМИ
ВДОЛЬ
БЕРЕГА
РЕЧКИ.
ВДРУГ
СЛЫШИТСЯ
КРИК
ИЗ
ВОДЫ —

НИКТО НЕ
УСПЕЛ ДАЖЕ
АХНУТЬ,
КАК ВИТА
УЖЕ БЫЛ
В ВОДЕ.
ПОДХВАТИЛ
МАЛЫША
И
ВЫПЛЫЛ
НА
БЕРЕГ,
УСТАЛО
ДЫША.

СНЯЛ МОКРУЮ
КУРТКУ И БРОСИЛ
НА БЕРЕГ...

ВСЕ
СМОТРЯТ,
ГЛАЗАМ
СВОИМ
ПРОСТО
НЕ
ВЕРА:

ПОСКОЛЬКУ У ВИТЬКИ
ТОРЧАТ ИЗ СПИНЫ ЧЕТЫРЕ
АНТЕННЫ РАЗЛИЧНОЙ
ДЛИНЫ! РУБИЛЬНИК,
ТРИ КНОПКИ И ДВЕ
РУКОЯТКИ... И ЛАМПО-
ЧЕК РАЗНЫХ — НЕ
МЕНЬШЕ ДЕСЯТКА...

И ВСЕ УСЛЫХАЛИ
ВЗВОЛНОВАННЫЙ
ШЁЛОТ:

"РЕБЯТА,
ВАШ ВИТЬКА —
НЕ ВИТЬКА, А
РОБОТ!..."

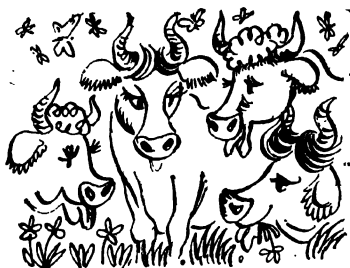
НО
ЕСЛИ
ТУТ РОБОТ,
ТОГДА ПОГОДИТЕ!
ГДЕ НАШ НАСТОЯЩИЙ,
ВСАМДЕЛИШНЫЙ ВИТЯ?

... А ГАВРИКОВ
ВИТА В ОЗНАЧЕН-
НЫЙ ЧАС...

**НО
ЗДЕСЬ МЫ
НА ВРЕМЯ
ПРЕРВЁМ
НАШ РАССКАЗ...**

В ПРОШЛОМ ГОДУ мы впервые познакомили читателей с творчеством второклассницы Наташи Десятковой. Нынче Наташа учится в третьем классе и продолжает заниматься в литературном кружке при газете «Ленинские искры». Почитайте её новые стихи.

Четыре подружки

*Сегодня впервые пришли на лужок
Четыре подружки и встали в кружок.*

— Му-у, — первая очень серьёзно
сказала. —

Всю зиму сама я с собою мычала.

— Му-у! — сразу её поддержала
вторая. —

Всю зиму смотрела я в щели сарая.

— Му-у, — третья вступила степенно. —

Жевала я жёсткое, скучное сено. —

Четвёртая только кивала, вздыхала

И бабочек длинным хвостом отгоняла.

Иволга

— Иволга, иволга, жёлтая иволга,
О чём ты так рано поёшь?

— О солнышке тёплом, о сладкой
малине,

Что скоро в лесу соберёшь.

— Иволга, иволга, нежная иволга,
А в полдень что в песне твоей?

— Шумящий ковыль, золотой иван-чай,
Раздолье лесов и полей.

— Иволга, иволга, красавица иволга,
Весь день тебя слушать могу.

*Пусть осень придёт и завянут цветы,
Я песню твою сберегу.*

Часы

Утром часы очень быстро идут:

— Скорее, осталось всего пять минут!

*Тик-так, опоздаешь, тик-так, торопись,
Пораньше, дружок, вставать*

не ленись.

В школе часы замедляют свой ход,

И не спеша мы уходим вперёд.

Читаем и пишем мы весело, дружно,

И здесь торопиться, пожалуй, не нужно.

А вечером те же часы чуть ползут,

Сколько проходит долгих минут,

Хочу сосчитать я, считаю, считаю,

Сбиваюсь, зеваю, совсем засыпаю...

Рис. К. Дмитрикова

Наташа ДЕСЯТКОВА,
3-а класс, 179-я школа

БЕСЕДЫ ОБ ЭРГОНОМИКЕ

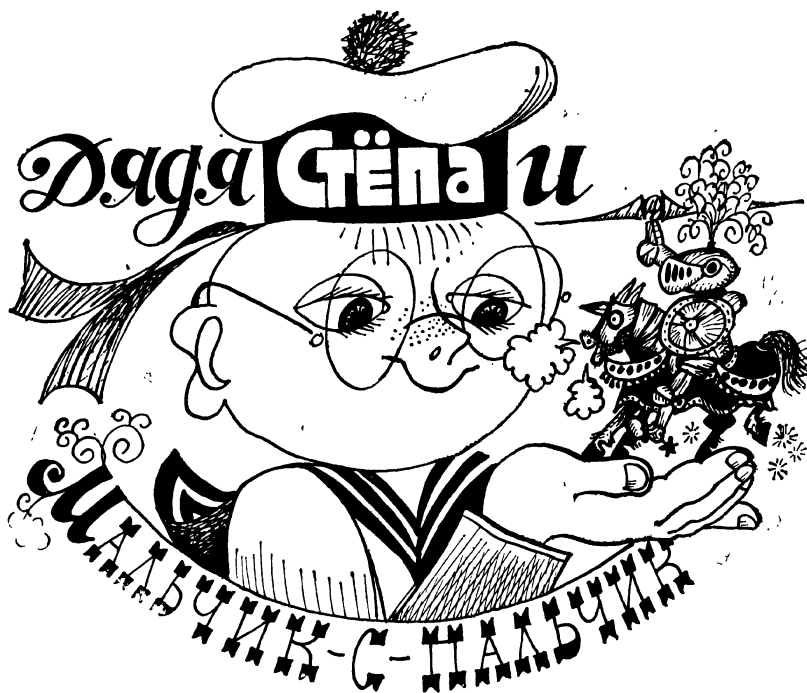
ЭРГОНОМИКА — наука о взаимоотношении человека и техники, о проектировании инструментов, станков и машин, в совершенстве приспособленных к человеку. Название её происходит от греческих слов «эргон» — работа и «номос» — законы.

Кандидат технических наук доцент Новосибирского электротехнического института Рюрик Петрович Повилейко написал для школьников книгу «Беседы об эргономике», которую в будущем году выпустит издательство «Просвещение».

С этого номера мы начинаем публикацию глав из новой книги Р. Повилейко.

Р. ПОВИЛЕЙКО

Рисунки Ю. Бочкарёва

С древнейших времён человек стремился делать такие орудия труда, которыми было бы удобно пользоваться. А иначе ведь много не рассчитаешь. Скажем, что это за молоток, ежели его рукоятку толком и не охватишь, а при ударе он так и норовит выскочить из руки. Топор или кирка, лопата или рубанок — любой инструмент должен соответствовать человеку, его росту, длине его руки, ширине ладони, то есть его анатомическим особенностям.

На первых шагах развития техники от первобытных орудий труда вплоть до появления громадных

фабрик и заводов учитывались лишь наиболее очевидные анатомические требования к инструментам и станкам. Делалось это грубо, на глазок, но такое решение устраивало в течение многих лет.

Но в наше время развитие техники достигло такого уровня, когда в корне меняется содержание человеческого труда. Из пассивного придатка к машине человек превращается в диспетчера, ответственного за известный участок работы, причём участок этот всё более расширяется, человеку приходится срочно принимать верное решение

на основе информации, которая поступает быстрыми темпами и в большом количестве. При этом человек с ювелирной точностью управляет чрезвычайно сложными приборами и механизмами. И ошибок, связанных с неучтёнными анатомическими требованиями, в управлении такой сложной системой машин и приборов быть, конечно, не должно. Любое рабочее место, любая машина, любой инструмент должны быть пригнаны к человеку, как костюм в ателье.

Для того чтобы сравнить или соизмерить с человеком какой-нибудь предмет, будь то машина, мебель или даже целое здание, нужно сначала выяснить, каковы особенности человеческого тела, и прежде всего, конечно, те, которые описываются количественно.

Всем хорошо известно, что подавляющее большинство практических единиц измерения — сажень, фут, аршин, локоть и другие, которыми человечество до самого недавнего времени пользовалось, весьма широко отражали в своей основе различные особенности человеческого тела. Эти меры были удобны уже тем, что человек всегда носил их с собой. Но ведь даже двух абсо-

лютно одинаковых людей в мире не найдёшь, все люди чем-то разнятся друг от друга. Ни длина тела, ни длина его отдельных частей не могут служить достаточно надёжной и устойчивой единицей измерения.

В поисках более постоянной величины люди набрали на соотношение между размерами тела и его частей, иначе говоря, на пропорции человеческого тела. Но, разумеется, прежде чем вычислить пропорции, надо произвести ряд измерений. Всесторонними обмерами живого человека ведаёт один из разделов науки антропологии — антропометрия. Обмеры принято производить по характерным, так называемым антропометрическим, точкам человеческого тела. Точность измерений в антропометрии колеблется в пределах 2—3 мм, но не более 4—5 мм. Соединяя прямыми наиболее характерные антропометрические точки, можно построить схему пропорций человеческого тела. И хотя пропорции не являются постоянными для людей разного возраста, пола, для представителей разных местностей и расовых групп, они всё-таки значительно облегчают приспособление машины к человеку.

О пропорциях человеческого тела, об истории их изучения можно рассказать много интересного, но это тема для отдельной беседы. Пока же рассмотрим одну из наиболее существенных характеристик — средний рост человека.

Многочисленные антропометрические измерения тела человека показали, что группа лиц ростом 155—179 см охватывает 97,8 процента наблюдений. Но даже у одного и того же человека с установившимся ростом пропорции тела не остаются постоянными в течение нескольких лет, месяцев и даже дня. Длина тела в лежачем положении в среднем на 1 см больше, иногда эта разница достигает 4—5 см. Известна способность одного человека за каких-нибудь 20—30 минут увеличивать — уменьшать свой рост на 10—12 см — удивительно!

● ● ● ● ● французский натуралист Бюффон

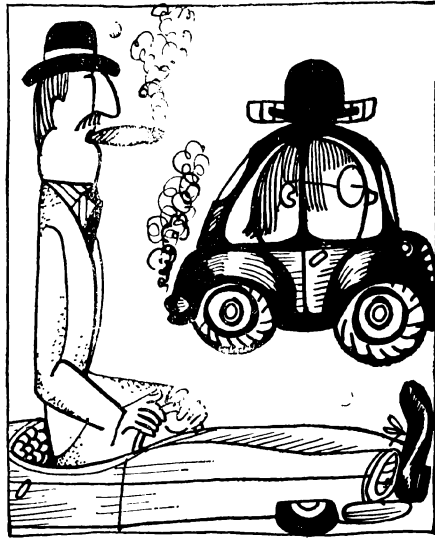
описал человека еще меньшего ● ● ● ● ●

Наивысшего роста женщины до самого недавнего времени достигали, как правило, к 18—19 годам, а мужчины — к 25—26 годам. Период стабильного роста падает примерно на возраст до 40—50 лет, после чего длина тела уменьшается в среднем на 0,5 см за пятилетие до 55 лет и на 0,7 см в последующее пятилетие (за счёт утери межпозвоночными хрящами упругости и эластичности). Недаром в одной из старых мудрых сказок говорится: «Первую половину жизни нас тянет к себе солнце, а вторую — земля».

Самые высокие люди на земле — тутси — живут в Руанде и Бурунди, в Африке. Средний рост их 190 см, но часто встречаются гиганты до 250 см. Рядом с этими гигантами живут и самые низкорослые на земле люди, которых сохранилось в тропических лесах несколько десятков тысяч, и число их из года в год уменьшается. Сами себя они называют тва, а пигмеями их окрестили ещё древние греки («пигмайос» с древнегреческого — высотой с локоть). Средний рост их 141 см. Это так называемые групповые вариации роста. Но есть ещё и индивидуальные. Индивидуальные вариации роста для большей части европейского населения укладываются в пределах: у мужчин — от 1400 мм до 1900 мм, у женщин — от 1300 мм до 1800 мм.

Вообще-то людей высокого роста на свете немало. Из каждой тысячи человек три-пять имеют рост выше 190 см. Документально подтверждено, что самыми высокими людьми на свете были живший в XVIII веке финн Даниэль Кайянус и умерший всего несколько лет назад англичанин Тэд Ивенс, оба ростом 283 см. (Хотя есть данные, что был великан ростом в 320 см!) Из женщин самой высокой была умершая в 1883 году Марианна Веде ростом 255 см, а сейчас «первенствует» американка Долорес Пуллард ростом 250 см. Лилипутов на земном шаре насчитывается несколько более 3 тысяч. Они встречаются во

..... с какой же точностью должна быть

машина притянута к человеку ?

всех расах и народах примерно в одинаковой пропорции. Самым маленьким лилипутом считается филиппинец Хуан де ля Крус ростом 48 см, но французский натуралист Бюффон описал человека ещё меньшего — карлицу в возрасте 37 лет, ростом всего 43,3 см.

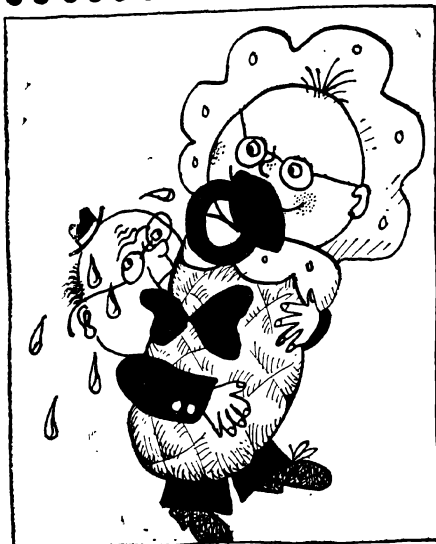
В разных странах средний расчётный рост взрослого мужчины

..... и на стульях средневековых

тоже не рассидишься

а дети всё продолжают

обгонять родителей

оценивается по-разному: США — 175,7 см, Англия — 172,5 см, ГДР, ФРГ — 174 см, Франция — 170,7 см, Италия — 170,3 см, СССР — 170 см, Япония — 163,5 см. С какой же точностью должна быть машина пригнана к человеку по росту? Выяс-

омолаживаются все

спортивные рекорды

нилось, что внутри расчётных ростов существует достаточно широкий интервал, в пределах которого любые изменения в величине машины не ощущаются работающим. Так, при ошибке ± 3 см по высоте при изготовлении машины или установке её на фундамент человек особых неудобств не испытывает. Эта величина названа интервалом безразличия по росту и равняется в сумме 6 см.

Советский Союз ведет обширную торговлю с десятками стран мира. Наши станки и машины успешно работают в Южной Америке, Африке, Индии, Индонезии. Конструкция и форма каждой машины отрабатываются так, чтобы она предельно соответствовала условиям страны, в которой будет эксплуатироваться. Например, на завод, изготавливающий пульта управления для работы стоя, поступил заказ из Судана и Вьетнама. Средний рост рабочего-суданца около 182 см, средний рост вьетнамца-оператора составляет 159 см. В обоих случаях отличие от расчётного роста, принятого в СССР, составляет около 10 см, что значительно превышает интервал безразличия 6 см. Очевидно, что для Судана можно выслать отечественный типоразмер пульта, оговорив в технических условиях увеличенную на 10 см высоту фундамента. Для вьетнамского же заказа целесообразно будет уменьшить высоту пульта управления на 10 см. Одновременно следует приблизить дальние органы управления, чтобы они вошли в наилучшую для вьетнамского оператора зону досягаемости.

От века к веку рост человека менялся весьма значительно. Пещеры, в которых жили первобытные люди, имеют до того низкие своды, что мы передвигаемся в них, только согнувшись. Так же малы и часты ступеньки, ведущие к ним. Трудно современному человеку шагать и по лестницам, построенным древними греками. К знаменитому Акрополю, вознесённому на 100-метровую высоту, ведут столь мел-

кие ступени, что туристы буквально по-старушечьи долго семяют, ставя ступни боком. Кинематографисты, ставящие картины о средневековой жизни, давно пришли к выводу, что снимать их лучше всего в декорациях — в маленьких замковых комнатах с низкими потолками и полутораметровой высоты дверями не разбегаешься особенно и мечом не размахнёшься как следует. И на стульях средневековых тоже не рассидишься — некуда девать локти, ноги, колени.

Рыцари Вальтера Скотта меньше сегодняшних десятиклассников (десятиклассник!) сантиметров на 10—15, и рыцарские доспехи XVI века уже явно нам малы. Учёные считают, что только за последние 100 лет средний рост человека увеличился на 7—10 см. Сегодняшний средний призывник ростом 175—180 см стоял бы в петровской и екатерининской гвардии правофланговым. Даже рост младенцев при рождении на 2 см больше, чем 20 лет назад.

Акселерацию — ускорение роста и развития организма — называют загадкой XX века. В нашей стране над этой острой для народного хозяйства и промышленности проблемой работает коллектив исследователей под руководством доктора медицины профессора Д. К. Соколова. Факты, собранные ими, удивляют, иногда так просто поражают. Явление акселерации затронуло сегодня группы людей, женщин и мужчин, всех возрастов. Двенадцатилетние пятиклассники выше своих сверстников прошлого века на целых 9 см. За последние 80 лет рабочие-подростки Москвы пятнадцати лет стали выше своих сверстников на 20 см. Если в конце XIX века рост организма заканчивался к 26 годам, то в настоящее время он прекращается в 16—19 лет. Сегодняшние взрослые мужчины выше своих родителей на 9,5 см, а женщины на 6,5 см. А дети всё продолжают обгонять родителей, торопятся стать взрослыми, растут прямо на глазах, поглядывая бук-

вально свысока на своих отцов, а тем более на дедов.

Увеличиваются размеры обуви, «прогорают» мелкие роста одежды в детских универмагах, изменяются размеры парт, верстаков, лабораторных столов, станков, рабочих мест, наконец, омолаживаются все спортивные рекорды. Сегодня 16-летние подростки в среднем прыгают на 60 см дальше, на 23 см выше и толкают ядро на 1,2 м дальше, чем их сверстники всего несколько лет назад.

Причины акселерации объясняют по-разному. Существует несколько интересных теорий и гипотез.

АЛИМЕНТАРНАЯ ТЕОРИЯ.

Суть её в том, что человек питается лучше и больше. Действительно, в период войн голод не только значительно сократил темпы акселерации, но и затормозил физическое развитие подрастающего поколения. Говорят, что убыстряют рост белки, жиры, мясная пища. Тогда почему Япония не отстаёт по темпам акселерации от Европы? Ведь японские дети получают в несколько раз меньше животных белков. И ещё: в сельских местностях, где особо развито животноводство, акселерация должна быть сильнее, чем в городах. На самом деле всё наоборот.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ. В

прежние века люди жили более замкнуто, разделённые религиозными, национальными, кастовыми и другими преградами. Но времена изменились. Теперь в браки вступают люди, выросшие в разных условиях, с разной наследственностью, а это

создаёт детей более жизнестойких, более красивых и физически совершенных. С этой теорией связан и такой факт: если раньше первый ребёнок появлялся у женщины в возрасте 19—21, то теперь в 25—26 лет. А оказывается, некоторое увеличение возраста матери увеличивает размеры и вес новорождённого.

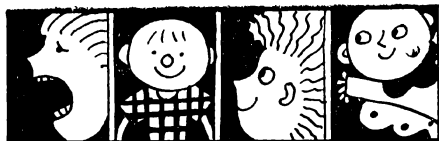
ГЕЛИОГЕННАЯ ТЕОРИЯ. Персы, вавилоняне, китайцы, японцы, египтяне, эллины с древних времён почитали Солнце (Гелиос) как источник вечной жизни, влияющий на все явления природы. «Лишь Солнце своим сияющим светом дарит жизнь», — гласила надпись в храме Дианы в Эфесе. Наблюдения за Солнцем привели к созданию науки гелиобиологии, основы которой заложил наш выдающийся мыслитель, ученик К. Э. Циолковского Александр Леонидович Чижевский. Он сумел доказать, что между явлениями, происходящими на Солнце, и многими явлениями биологической жизни на Земле (эпидемиями, наводнениями, массовыми налётами саранчи, инфарктами, даже просто несчастными случаями) имеется удивительной силы тесная связь. Недавно изданы три книги, которые читаются как самые захватывающие приключенческие романы: «В ритме солнца» («Наука», 1969), «Земное эхо солнечных бурь» («Мысль», 1973), «Вся жизнь» («Советская Россия», 1974). Суть гелиогенной теории: поскольку Солнце является источником жизни на Земле, значит, солнечная энергия может ускорять или задерживать рост. Но тогда на севере темпы акселерации должны быть ниже, чем на юге. И ещё: сельская молодёжь должна быстрее развиваться, нежели городская (больше времени проводят на открытом воздухе), однако этого не наблюдается...

РАДИОВОЛНОВАЯ ТЕОРИЯ.

Появление и быстрое, широкое распространение радио и телевидения заставило многих биологов ещё в начале XX века задаться вопросом — влияют ли радио- и телелучи на организм человека, а если влияют, то как? А магнитные поля — каково их биологическое действие? Фактический материал накоплен уже достаточно большой, и для первого ознакомления с ним достаточно заглянуть в книги Ю. А. Холодова «Магнетизм и биология» («Наука», 1970) и А. С. Пресмана «Электромагнитная сигнализация в живой природе» («Советское радио», 1974).

Эта теория, пожалуй, наиболее увлекательная и в то же время вызывающая наибольшие споры. А. С. Пресман в своей книге пишет: «Радиофон появился и быстро возростал на протяжении последних 40—45 лет. А за этот период особенно резко развивалась так называемая акселерация — увеличение среднего роста и ускорение полового созревания у людей. Мы выступили с гипотезой, в которой причина акселерации усматривается в возрастании среднего фона электромагнитных полей в биосфере, вызванном технической цивилизацией... Эта концепция достаточно хорошо согласуется со всеми признаками акселерации: её глобальным проявлением, её большей выраженностью в крупных городах по сравнению с сельскими районами, её медленным нарастанием на протяжении столетия до 30-х годов и резким — в последние 40—45 лет». Профессор Д. К. Соколов относится к этой теории сдержанно (см. его брошюру «Акселерация — загадка XX века», «Знание», 1969).

КОМПЛЕКСНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

А не действуют ли все перечисленные и ещё многие иные, неперечисленные, факторы совместно? Речь идёт о рассмотрении акселерации как всеобщего процесса, затрагивающего человечество в целом. Не следует забывать и социальные факторы, воздействующие на общество. В нашей стране человеку с самого раннего детства создаются условия для всестороннего, гармонического развития.

Как будет выглядеть человек будущего? Будет ли он изменяться и расти бесконечно? Советский антрополог профессор М. Неструх считает, что средний рост человека остановится где-то у отметки 170—175 см. Он пишет: «Социальные факторы свели на нет роль естественного отбора в процессе становления человека. Значит ли это, что человек больше не изменится? Конечно, нет. Но изменения эти качественно иные, связанные с деятельностью мозга и всей нервной системы. Я думаю, что человек будущего окружит себя очень умными и послушными машинами и станет ещё энергичнее переделывать мир, а не приспосабливаться к нему своим организмом, как животные. И какие бы трудности ни встретились ему на Земле или в космосе, он останется в своих основных чертах похожим на современных людей».

Любопытных взглядов придерживаются на эту проблему крупные

зарубежные антропологи, профессора Дж.-Б. Холдэн и Г.-Л. Шапиро. Мнение Дж.-Б. Холдэна: «Человек будет иметь большую голову и меньше зубов, чем мы, его движения будут ловкими, но не сильными. Он будет развиваться медленно, продолжая учиться до зрелого возраста, который будет наступать только в 40 лет, жить он будет несколько столетий. Он будет более разумен и менее подчинен инстинктам, чем мы. Его побуждения значительно больше, чем наши, будут зависеть от воспитания. Он будет иметь более высокий уровень интеллекта, и многие будут обладать в некоторых отраслях знания такими способностями, которые мы называем гениальностью».

Мнение Г.-Л. Шапиро: «Суммируя наши пророчества о будущем человеке, мы можем картинно описать его как более высокого, чем мы, с головой большего объёма и более круглой. Его лоб будет более вертикальным, надглазничные дуги гладкими. Некоторые представители грядущей расы будут ходить на четырёхпалых ногах, и многие будут рано лысеть».

Известный отечественный специалист профессор Я. Рогинский, один из авторов фундаментального учебника по антропологии, считает: «Биологическая эволюция человека остановилась. Это произошло около 50 тысяч лет назад, когда сформировался кроманьонец. С тех пор в скелете человека не возникло ни одного нового признака, который давал бы нам право говорить о новой ступеньке в эволюционной лестнице человечества».

А. БАТУЕВ ЧЕРНОХВОСТЫЕ ПАВЛИНЫ

В зоопарк привезли партию великолепных декоративных голубей. Точно вельможи, степенно вышагивали зобастые дутыши, курчавые итальянские голуби щеголяли словно наплоенным оперением, но лучше всех были павлиньи голуби — белые, как лебеди, с чёрными веерообразными хвостами.

Здесь, около вольера с голубями, я встретил знакомого заядлого голубятника.

— Подумайте! — горячился он. — Просил яйцо от этих павлинов, одно яйцо, куда там! И слышать не хотят, говорят, голуби куплены на валюту... Так и не дали!

Признаюсь, что и меня взволновали павлины.

В нашем клубе юннатов была богатая коллекция голубей. Были и павлины, но только совершенно белые, а нам хотелось именно с чёрными хвостами! Два года мы мечтали о диковинных птицах, и вдруг у голубей в зоопарке вспыхнула какая-то эпидемия и чернохвостых не стало.

И тут-то пришла нам в голову дерзкая идея: а нельзя ли самим попытаться вывести чернохвостых павлинов? У нас были голуби черные монахи. Это средней величины, стройные белые птицы с «оловянными» глазами и чёрным хвостом. На голове чёрная шапочка с хохолком. Надо было скрестить белых павлинов с чернохвостыми монахами, так как чёрный хвост — породный признак, прочно наследуемый из поколения в поколение. У монахов двенадцать перьев в хвосте, у павлинов же больше двадцати, а то и до сорока.

Конечно, нелепо ждать, что сразу получится белый павлин с чёрным хвостом. Нет! Его надо будет «собрать» по крупницам, из поколения в поколение выискивая наиболее подходящие экземпляры. Первые голубята не оправдали надежд — это были и не павлины и не монахи, а нечто среднее, но значительно хуже своих родителей. Некоторые напоминали павлинов, но на голове у них торчала какая-то нелепая чёрная шапка, а хвосты были белыми. Были и чернохвостые, только не павлины. Второе, третье поколения — мы продолжали упорствовать. Скрупулёзно пересчитывали у голубят перья хвоста, отбирали наиболее удачных птенцов для нового скрещивания.

Прошло два года. Мои помощники кончили школу и ушли из кружка, а новичкам опыт, растянутый на годы, казался скучноватым, но я понимал, что самое интересное только наступает. У нас уже были почти павлины с почти чёрными хвостами. Надо было ещё и ещё продолжать отбор.

Шёл к исходу уже третий год опытов. И вот у одной пары появился наконец долгожданный малыш. Это был настоящий павлинёнок, с далеко откинутой назад головой, с лебединой шеей, с чёрным веером хвоста и чёрными глазами. Мы дрожали над этим чудом, как над сокровищем. Каждый день ему вспрыскивали в клюв витамины и пенициллин, чтобы рос быстрее и не хворал. На двадцать пятый день Пава, как мы называли

голубку, впервые вышла из гнезда. Она удалась на редкость. Ещё не взрослая, она уже была настоящим павлином с чёрным роскошным муаровым хвостом.

В то время наш кружок помещался в школе. Мне надо было съездить в зоомагазин за кормом, и я оставил ключи от зоокомнаты уборщице. Возвратившись, я застал ужасную картину — наша любимица Пава, наша гордость утонула! А случилось вот что: уборщица не заметила в клетке автопоилку, решила, что забыли дать голубям воду, и поставила в клетку таз с водой. Очевидно, Пава, соскочив в глубокий таз, быстро намокла и не смогла уже выбраться, а взрослые голуби на спасение утопающих не «запрограммированы», и они не пришли ей на помощь.

Три года упорной работы, первая удача и такая нелепая развязка!.. Я вынул жалкое мокрое тельце из воды, и вдруг одно веко у птицы чуть дрогнуло. Я стал поспешно массировать утопленницу. Из клюва полилась вода, но птица не подавала признаков жизни. Внизу в школе была столовая. Там рядом с кухней по стенам проходили горячие трубы. Схватив два полотенца, я побежал с Павой туда. Столовая уже закрылась, нянечки заканчивали уборку. Входить в кухню постороннему, да ещё с мёртвой птицей, конечно, не положено, но, наверно, у меня был такой вид, что надо мной сжалились и не прогнали. Я грел на трубах полотенца и осторожно растирал беспомощное, холодное тельце. Куда девалась былая красота Павы? У меня на коленях лежал какой-то взъерошенный, неприглядный

комок. Прошёл час, а жизнь к голубке не возвращалась. Подходили нянечки, недоуменно пожимали плечами, а самая пожилая сказала с добрым укором:

— Да будет вам, нешто мёртвого оживишь?

Разве они знали, чем была для меня, для всего нашего кружка Пава? И я продолжал упорно массировать утопленницу. Как, когда это случилось, я не заметил, но только вдруг увидал, что голубка открыла глаза. Сперва я не поверил, но нет, она действительно очнулась. С каждой минуты жизнь возвращалась к птице, и вдруг она встряхнулась. Мужчине вообще не положено плакать, да ещё из-за птицы, но я почувствовал, что слёзы жгут мне глаза. Я постелил на горячую трубу полотенце и посадил на него Паву.

Прошло более двух часов, как я принёс сюда жалкий, безжизненный комочек перьев. И вот теперь передо мной сидела горделивая, прекрасная белая птица с чёрным хвостом.

После такой передыжки я боялся оставить Паву в кружке, и голубка поселилась у меня дома. В ту весну я жил совершенно один в квартире, и Паве была предоставлена полная свобода. Правда, на кухне стояла клетка, в которой спала Пава, но дверцу её я не запираю. Голуби стайные птицы, и одиночество им не свойственно.

Пава быстро привязалась ко мне и не желала расставаться ни на минуту. Бывало, уже глубокой ночью задремлет она в своей клетке, а я, воспользовавшись этим, тихо ухожу к себе в комнату. Но ночи белые, на кухне светло, и голубка быстро замечает моё отсутствие. И вот уже в коридоре слышится топоток — это моя балерина в чёрной пачке спешит-торопится в гости. Подойдёт, вскочит на мой ботинок и уляжется. Вообще вела она себя крайне непринуждённо. Разляжется на самой дороге и ни с места — изволь через неё перешагивать.

Знала ли она свою кличку так, как знают её, например, сорока или попугай? Думаю, что нет. Но я имел в своём распоряжении гораздо более действенный и простой способ позвать Паву: я имитировал «позывные» голубя, и голубка немедленно спешила на зов.

Пришло время Паве заводить семью. Пава вернулась в юннатский кружок. Мы подыскивали ей подходящую пару. Моя любимица оправдала самые смелые надежды. — у нас появились настоящие чернохвостые павлины! Каждый день голубей выпускали на зарешеченный балкон. Чтобы птицы были здоровыми, им необходимы чистый воздух, солнце и полёт.

Однажды к нам зашёл тот самый заядлый голубятник.

— Всё-таки достали! — не то с восхищением, не то с досадой сказал он и, помедлив, спросил: — А за сколько?

— За четыре, — ответил я.

Голубевод опешил. Дело в том, что у голубятников принята своя терминология — рубль значит 10 рублей, 2 рубля — 20. И не вздумайте действительно предложить рубль или два — вас засмеют.

— Неужели сорок? — почему-то понизив голос, спросил любитель.

— Нет, четыре года.

— Что четыре года? — недоумевал собеседник.

— За четыре года мы их сами сделали, а как — сразу и не расскажешь. Вот напишу об этом, и вы сможете иметь таких же красавцев.

— Так зачем же писать? — возразил голубевод. — Ведь тогда каждый сможет их разводить.

— Вот затем и напишу, чтобы могли разводить. Только сделает это не каждый, а лишь те, у кого хватит терпения, умения, а главное — большой любви к птицам.

ЗАГАДОЧНОЕ ОЗЕРО

Озеро Ванда, расположенное на Земле Виктория, вызывает большой интерес учёных. Длина озера — 5 миль, ширина около мили, вода солёная. Поверхность озера постоянно покрыта льдом. Среднегодовая температура здесь минус 20 градусов.

Однако термометр, погружённый в озеро на 60-метровую глубину, показывает... 25 градусов тепла. Никаких видимых причин такого повышения температуры пока не обнаружено. Некоторые учёные считают, что вода в озере Ванда нагревается за счёт солнечной радиации. Новозеландские исследователи проверяют это предположение.

ВОТ ЭТО ВЕРНОСТЬ

В цирке итальянского города Пиза выступал дрессировщик Гальмут Крон со слонихой Сандра. Номер пользовался большой любовью зрителей.

Недавно Гальмут решил навсегда оставить цирк. Когда он прощался с Сандрой, слониха плакала. Затем она стала отказываться от пищи, никого к себе не подпускала и наконец умерла.

Дружба человека с животным продолжалась 18 лет.

ЛЕСНОЙ «РЕГУЛИРОВЩИК»

В сторону Печенежского водохранилища мчались машины. Вдруг движение транспорта замедлилось. Шофёры увидели на шоссе молодого лося. Он величаво поднял голову и призывно протрубил. Из чащи вышла лосиха, она опасно посмотрела на вожака, затем не торопясь перешла дорогу. За ней перешли шоссе еще несколько лосих.

Пока они переходили дорогу, строгий «регулировщик» зорко наблюдал за людьми. Лишь когда убедился, что подруги удалились на безопасное расстояние, с достоинством покинул свой «пост».

ПОД ПАРУСАМИ ЧЕРЕЗ... ОКЕАН

Успешно завершил плавание через Тихий океан от берегов Японии до западного побережья США японец Юко Тада. Построенная им 10-метровая двухмачтовая лодка «Окара-III» выдержала штормы и благополучно вошла в бухту Сан-Франциско.

За 48 дней одиночного плавания под парусами Тада преодолел 14 500 километров и ни разу не включил имеющийся на лодке аварийный мотор.

ВОТ ЭТО МУРАВЕЙНИК!

В Мурманской области, за Полярным кругом, на одном из заповедных островов — Малом Ломнишном есть гигантский муравейник. Его высота — 192 сантиметра. Диаметр — до 250 сантиметров. Объём — около 4 кубических метров.

УКРАЛИ... МОСТ!

В Аргентине совершено неслыханное воровство — украден железнодорожный мост. В течение одной ночи воровская шайка демонтировала мост через реку Сан-Антонио. Трудились вору не зря. Через некоторое время стало известно, что грабители выгодно продали детали моста как металлолом.

...во Львове решено трамвай спустить под землю! На узких, средневековых улицах Львова, ширина которых от 8 до 18 метров, современным видам транспорта стало тесно. Трамвай загромождает улицы, мешая легковому транспорту и пешеходам. Трамвайные рельсы будут проложены на глубине около 30 метров. К строительству своей подземки львовяне уже приступили. На перекрёстке улиц Суворова и Дзержинского берёт своё начало первый туннель. Его длина — 3,3 километра. Всего на карте города появится пять подземных станций. Между ними будут ходить современные скоростные трамваи.

...в окрестностях румынского села Флорешти на месте холма вдруг образовалась обширная долина! Исчезновению холма предшествовал сильный шум, и холм был окутан пылью. Когда воцарилась тишина и пыль рассеялась, местные жители увидели, что лес, росший на вершине холма, опустился и остался невредимым. Специалисты изучают причины этого необычного явления природы.

...в штате Виргиния (США) расположен... под землёй, в пещере Лурей, единственный в своем роде орган! Пульт у него как и у любого концертного органа, а вот труб нет. Вместо них использованы пустоты в сталактитовых образованиях. Музыкальный инструмент так и называется — большой сталактитовый орган.

...на Земном шаре живёт около 120 миллионов человек в возрасте более 70 лет! Таковы данные Всемирной организации здравоохранения.

...учёные США разработали способ приготовления искусственного «мяса» из белков, содержащихся в бобах сои и специально обработанной пшеницы! Оно почти совершенно такое же, как натуральный продукт по вкусу, запаху и другим качествам. Имеет низкое содержание жиров и холестерина. И главное, оно значительно дешевле и питательнее.

...22-летний сингапурец Давид Кван совершил самый длинный пеший переход! Его путь от Сингапура до Лондона составил 30 тысяч километров.

...в Кении найдены самые древние останки доисторического человека! Группа учёных из ряда стран на северо-восточном берегу озера Рудольф, расположенного на границе Кении и Эфиопии, нашла при раскопках много предметов и орудий труда, которые были сделаны 2 миллиона 600 тысяч лет назад. Там же были обнаружены кости и челюсти доисторического человека. Возраст их от одного до двух миллионов лет.

...ручей, протекающий недалеко от города Римавска-Собата в Центральной Словакии, местные жители называют метеорологом! И действительно, он обладает интересной особенностью. За день-два до перемены погоды его прозрачные воды мутнеют. Это повторяется периодически. Ручей исправно несёт «службу погоды» и никогда не ошибается.

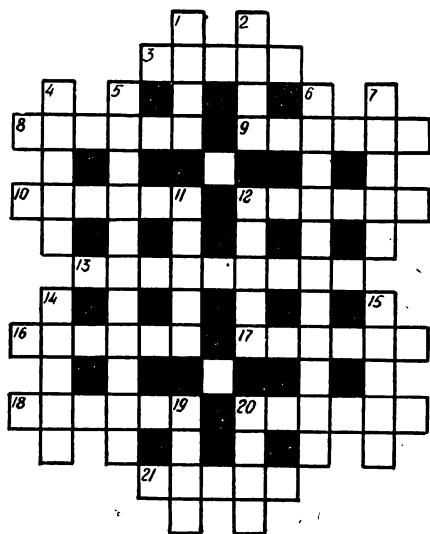
...первый в мире подводный гараж построен в Женеве [Швейцария]! Он расположен под Женевским озером, рядом с мостом Монт-Блан, соединяющим две части города. Гараж четырёхэтажный и вмещает до 1500 автомашин.

...американский художник Дэвис написал самую большую картину в мире! В качестве «полотна» он использовал стоянку для автомашин в городе Филадельфии общей площадью в 3500 квадратных метров. На картину пошло около 2000 литров краски. Она представляет собой набор цветных полос.

...Государственный комитет стандартов СССР принял новый ГОСТ, определяющий допустимые уровни шума над жилыми застройками вблизи аэродромов! По ГОСТу строго определены зоны размещения аэродромов, чтобы вредное воздействие авиационного шума было сведено до минимума. Уровни шума, регламентируемые новым ГОСТом, на 10 децибелл ниже зарубежных норм.

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Знак отличия, почётная государственная награда за особые заслуги. 8. Команда, предназначенная для охраны и сопровождения транспорта, пленных, арестованных. 9. Знак препинания. 10. Тяжёлый металл жёлтого цвета. 12. Орган, являющийся частью воздухоносных путей человека. 13. Деятель Великой французской

Отдел ведёт Вадим Акентьев

революции. 16. Разновидность бумаги. 17. Объём воды, протекающей через поперечное сечение потока в единицу времени. 18. Испанский народный танец. 20. Третий по числу жителей город Польши. 21. Сошник у плуга.

По вертикали. 1. Страна, область, земля, местность. 2. Английская мелкая монета. 4. Птица отряда хищников. 5. Портрет художника, выполненный им самим. 6. Первая женщина — член-корреспондент Петербургской Академии наук. 7. Кондитерское изделие. 11. Непрерывная водная оболочка Земли, окружающая материки и острова. 12. Основное и древнейшее рубящее орудие. 14. Лад, в основе которого лежит большое трезвучие, а также ладовая окраска этого трезвучия. 15. Машина ударного действия для пластической деформации металлических заготовок. 19. Листопадные однодомные деревья с крупными непарноперистыми листьями. 20. Положение летательного аппарата, при котором плоскость его симметрии отклонена от вертикали к земной поверхности.

ХОДОМ ШАХМАТНОГО КОРОЛЯ

Н	Л	Н	П	А	А	В
Ь	Е	О	А	Т	Т	В
З	У	К				Х
И	Н					К
Г	И			О	Д	Р
И	Ч	Ь	О	И	Н	Е
Т	А	Т	К	Л	И	В

Обойдите клетки с буквами, начиная с отмеченной, ходом шахматного короля так, чтобы из букв сложилась народная пословица о книге.

Каждую клетку разрешается «посетить» только один раз.

РЕБУС-МАЛЮТКА

Всего одно слово зашифровано в этом ребусе. А вот какое?

МИНИ-РЕБУС

А в этом ребусе «спряталась» целая печь для плавки чугуна...

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4)

ДОМИНО

3—0, 4—1, 4—0, 4—6, 3—1, 0—5, 0—6, 5—6.

Второй вариант: 3—4, 1—4, 0—4, 6—3, 1—0, 5—0, 6—5, 6—0 — не подходит, так как направление оси, на которой располагаются точки, обозначающие цифру 3, разное у 3—4 и 6—3, чего не может быть в одном наборе домино.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Приключение = при ключе Н + (м) И + + (р) Е

РЕБУС

На свете много разных стран
И много разных песен,
Но кто сказал, что тесен мир?
Для дружбы мир не тесен!

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Ласточка = Лас(т) + точка

Содержание

Родная история. Волшебные ключи. Стихотворения Василия Фетисова	1
Оружие великой Победы. Очерк Эд. Аренина	3
Пробуждение. Продолжение повести Ивана Сабилло	10
Товарищ Вахтанг. Рассказ С. Лебедева	27
Внимание: КОНКУРС!	35
Пятёрка. Рассказ Елены Рыжей Красный Галстук. Рассказ Виталия Костылёва	38
Вробей. Стихотворение Г. Григорьева	42
Пётр Заломов и Павел Власов. Очерк Юрия Ракова	43
Пришелцы. Повесть в стихах и рисунках Мих. Мишина и Ю. Бочкарёва	48
Четыре подружки. Иволга. Часы. Стихотворения Наташи Десятковой	50
Дядя Стёпа и Мальчик-с-пальчик. Очерк Р. Повилейко	51
Чернохвостые павлины. Очерк А. Батуева	58
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок В. Орлова «Салют, Победа!».
На 2-й странице обложки «Музыка Мая». Фотоэтиюд О. Миронца.
На 3-й странице обложки «Святенная память» (А. С. Кукуверова, мать Героя Советского Союза пионерки Нины Кукуверовой, и Герой Советского Союза, капитан I ранга в отставке С. П. Лисин). Фото А. Максимов.
На 4-й странице обложки рисунок Януса «Навстречу лету».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

И. о. редактора-составителя Г. А. АРШИННИКОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 7/IV 1977 г. Подписано к печати 25/V 1977 г. 4 п. л.
М-23638. Зак. № 139. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 64 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

ЦЕНА 10 КОП. ИЛЛЮСТРАЦИИ